ЧЕРНЫЙ КОРПУС

ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН КАРЛУ ГУСТАВУ МАННЕРГЕЙМУ

Национальная
библиотека
Республики Беларусь

КОЛЫШКО

ЧЕРНЫЙ КОРПУС

ЧЕРНЫЙ КОРПУС. – Гельсингфорс.
Издание Опричного Братства Святого
Преподобного Иосифа Волоцкого, 2006, – 60с, тираж 888.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МАЛЕНЬКОГО НАРОДА 4
Анатолий Макеев

ДОЛГИЙ ВЕК КАВАЛЕРГАРДА 10
Вольфганг Акунов

БЕЛОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА РОССИИ И МАРШАЛА ФИНЛЯНДИИ КАРЛА ГУСТАВА МАННЕРГЕЙМА 13
Кирилл Глазков

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА 20
Кирилл Монастырский

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОЛКОВНИКА МАННЕРГЕЙМА 27
Михаил Лёвин

ШВЕДСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ 34
Андрей Жуков

IMMER WEIBLICH 49

РУСЬ ВАРЯЖСКАЯ 52
Р.Бычков

ВЕЛИКИЙ ЛИДЕР МАЛЕНЬКОГО НАРОДА

Из разговора двух историков:
Первый: Ну что особенного сделали финны, каков их вклад в мировую цивилизацию, что, собственно говоря, они сумели создать?
Второй: Финны создали Финляндию. И этим все сказано!

Финляндия – единственная страна, входившая в состав Российской империи, которая сумела в сложнейшей международной обстановке обрести и сохранить свою независимость как в ходе революции, так и в период Второй мировой войны, несмотря на неоднократные попытки советского руководства присоединить эту страну к СССР. Финны создали процветающее государство, показав на деле, что и маленький народ способен на большие дела. Особое место в истории Финляндии занимает "эпоха Маннергейма", признанного общенационального лидера, мудрого руководителя, крупнейшего политика XX века. Однако мало кто из читателей знаком с его подлинной биографией. А между тем в ней есть много любопытного, интересного, что, естественно, тщательно скрывалось от советских граждан. Впрочем, обратимся к фактам.

Карл Маннергейм родился в 1867 году, в Финляндии в семье выходца из Швеции. Он получил солидное образование в кадетском корпусе, Гелсингфорском лицее и в Николаевском кавалерийском училище. Он владел шведским, финским, русским, английским, французским, немецким языками и мог изъясняться на китайском. Имел он уникальный военный опыт, участвовал в русско-японской, Первой мировой, советско-финской, Второй мировой войнах. Он верой и правдой служил государю Николаю II, портрет которого до конца жизни держал в своем кабинете. В войне с Японией Маннергейм отличился в сражении под Мукденом и был досрочно произведен в полковники. После войны был направлен Генеральным штабом в военно-научную экспедицию по странам Центральной Азии. Он первый из европейцев встретился с таинственным Далай-ламой и сделал фотоснимки сцен быта и богослужения буддийских монахов. Результаты его исследований были изданы в 1909 и в 1910 годах. После этой экспедиции Маннергейм был произведен в генерал-майоры свиты Его Вели-

чества. Активно участвовал в Первой мировой войне, командуя дивизией.

К октябрьскому перевороту Маннергейм отнесся резко отрицательно, да и февральскую революцию не особенно жаловал. Он не счел возможным нарушить присягу, данную государю, а поэтому подал в отставку и уехал в Финляндию, где развернулась борьба за обретение независимости. После достижения независимости в стране не было собственной системы управления. Крупные промышленники пригласили на финляндский трон немецкого принца Фридриха Карла Гессенского. Но тот даже не успел добраться до места царствования: отречение кайзера после ноябрьской революции в Германии сорвало эти планы. И тогда судьбу страны вручили Маннергейму. Ему присвоили звание правителя Финляндии. В этом ранге он разработал основы государственного устройства, управления, занимался дипломатической деятельностью: вел успешные переговоры о признании Англией, Францией независимости Финляндии. (Валентина Краскова. Преступления за кремлевской стеной. – Минск. 1997).

Маннергейм стоял во главе государства всего 7 месяцев. После принятия конституции страны были объявлены президентские выборы. И, как это ни странно, но как часто встречается в демократическом обществе, он их проиграл. Но авторитет его был огромен. Результатом гражданской войны и регентства было то, что Маннергейм остался в финском общественном сознании как герой войны, белый генерал и общественный деятель. Для белых он был борцом за свободу, героем войны за независимость, спасшим Финляндию от красных и освободившим ее от русских. Красные считали его генералом-"мясником", воевавшим на стороне классового противника. И хотя президентом он не был избран, но тем не менее занимал достойное место в общественной жизни. Именно он разработал совместно с художником Аксели Галлен-Каллела проекты финских орденов, военную форму для армии и флота. Много путешествовал, заседал в правлениях банков, создал Союз защиты детей, возглавил финский Красный Крест.

Были у него весьма тесные связи с Германией, хотя настороженно относился к режиму Гитлера, которого считал выскочкой, не обладавшим хорошими манерами. Но Гитлер ценил Маннергейма весьма высоко. И даже в период войны нашел время навестить его в день 75-летия. В 1931 году Маннергейм был избран председателем Совета государственной обороны. Это был совещательный орган при президенте. Но авторитет Маннергейма был столь велик, что он сделал многое для укрепления финской армии, хотя понимал, что противоборство с Советским Союзом для Финляндии не сулит ничего хорошего. Тем более, что еще с 1938 года советское руководство выступило с территориальными претензиями к Финляндии. Финны категорически отказывались удовлетворить эти требования. Может быть, они бы и пошли навстречу советским лидерам, если бы знали о секретных протоколах к пакту Риббентропа-Молотова, в которых Финляндия была объявлена зоной интересов Советс-

кого Союза. Но Маннергейм отлично понимал, что уступить придется, что сверхдержава не может просто отступиться от своих требований, по крайней мере ей нужно дать возможность сохранить свое лицо. Поэтому он принципиально выступил за компромиссное решение советско-финской проблемы. В это время ему было уже 70 лет. Он решил уйти в отставку. И даже подал прошение об отставке. Но началась советско-финская война. И Маннергейм был назначен главнокомандующим вооруженными силами Финляндии. Никто другой не располагал таким авторитетом и влиянием, как он.

Маннергейм сам руководил военными действиями и направлял политику Финляндии в условиях войны. Любой другой на его месте подпал бы под власть правительства. "Эта война – не что иное, как продолжение войны за независимость и ее заключительный акт", – заявил Маннергейм солдатам в приказе. Весь финский народ подчинился этому приказу, в том числе и левые силы, бывшие красные. Перед лицом внешнего врага нация объединилась, во главе ее стал маршал Финляндии Маннергейм.

То, что Финляндия держалась успешно в этой войне 105 дней, объясняется прежде всего высокой степенью национального единства. Итоги этой войны известны. Финнам пришлось уступить, но свою независимость они все-таки сохранили. Финляндия избежала оккупации. В приказе Маннергейм поблагодарил солдат за храбрость: "Я воевал на полях многих битв, но еще никогда не встречал таких бойцов, как вы... Несмотря на вашу отвагу и самоотверженность, пришлось заключить мир на суровых условиях, что все-таки можно объяснить... Ваши подвиги вызвали восхищение во всем мире, но после трех с половиной месяцев войны мы все еще остаемся в одиночестве".

Это одиночество и толкнуло страну в объятия Гитлера. Участие страны во Второй мировой войне было весьма своеобразным. Многие моменты этой истории по сей день не ведомы читателю. Как известно, Советский Союз начал боевые действия против Финляндии бомбардировками 22 и 25 июня 1941 года. Для Маннергейма это было существенно. Формально Финляндия не участвовала в осуществлении "плана Барбаросса". И в плане обязательств она не была связана с Германией. И хотя Финляндия воевала на стороне Германии, все же для нее это была своя война. Маннергейм настаивал на этом и всегда это подчеркивал. Он использовал немцев для защиты Финляндии, но избегал далеко идущих военных услуг. Так, 2 августа 1941 года на требование Кейтеля наступать на Ленинград Маннергейм ответил, что Финляндия не намерена переходить на Карельском перешейке бывшую государственную границу. Он исходил из того, что СССР не должен был видеть со стороны финской армии угрозу для Ленинграда. Финская артиллерия и авиация не обстреливали и не бомбили Ленинград. В ходе войны он отверг и немецкий план перерезать Мурманскую железную дорогу, которая связывала СССР с Северным Ледовитым океаном. Это была

важнейшая магистраль, по которой шли грузы, доставляемые конвоями союзников. Хотя перерезать эту дорогу особого труда не представляло. Этим самым Маннергейм подчеркивал свою лояльность и по отношению к США и Англии.

Война на финском фронте уже к концу 1941 года стала позиционной и особого беспокойства советскому руководству не доставляла. Линия оставалась неизменной вплоть до лета 1944 года, когда началось наступление советских войск. Стало понятным, что страну нужно выводить каким-то образом из войны. Чтобы решить эту задачу, необходимо было всю полноту власти отдать в руки Маннергейма. И 4 августа 1944 года он был избран президентом страны. Самым большим риском было повернуть оружие против бывших соратников. Похоже, что Сталин понимал роль Маннергейма в этих условиях. Но даже по отношению к Гитлеру он поступил довольно деликатно. Он направил ему позже письмо, в котором обосновывал свое решение тем, что такую большую страну, как Германия, невозможно полностью уничтожить, тогда как маленькую Финляндию можно стереть с лица земли. Речь шла о борьбе за выживание нации.

Перемирие между Финляндией и СССР было подписано 19 сентября 1944 года, а мирный договор между союзниками и Финляндией был подписан только в 1947 году. При всех тяжелых условиях соглашения и договора страна и в этот раз, благодаря Маннергейму, сохранила свою независимость. В Москве видели тогда в Маннергейме прежде всего военачальника и противника, которому можно доверить. Он же являлся гарантом лояльности финского народа к условиям мирного урегулирования. Сам Сталин говорил финскому премьер-министру Пеккале, что благодаря Маннергейму Финляндия не была оккупирована и таким образом многим была обязана старому маршалу.

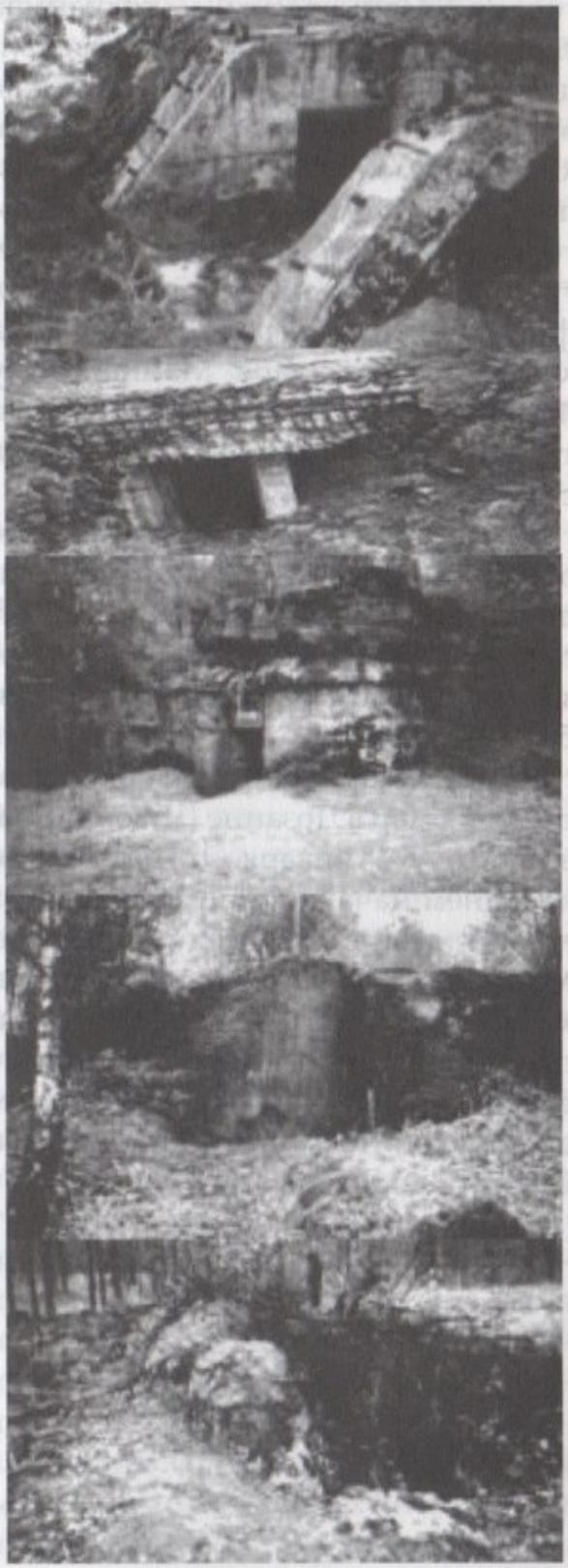
4 марта 1946 года Маннергейм объявил о невозможности дальнейшего исполнения им президентских обязанностей по состоянию здоровья. Его преемником был избран Паасикиви.

Дожил маршал до глубокой старости и умер в Лозанне (Швейцария) в 1951 году, 28 января. Эта дата совпала с днем начала финской войны за независимость в 1918 году. Похороны Маннергейма состоялись в Хельсинки 4 февраля 1951 года. В последний путь его провожали десятки тысяч финнов. Сейчас в его хельсинкском доме находится *музей Маннергейма.* Он этого достоин.

Анатолий Макеев

Линия Маннергейма

Фото и комментарии: Левин Михаил
(На авто по РОССИИ)



Фрагмент ДОТа у Приморского шоссе в р-не озера Высокинское, укреп узел "Инкиля". Пулеметный каземат. Броневая плита демонтирована.

Руины ДОТа "Форт Поппиуса". Высота 65,5

"Командный бункер"

ДОТ артподдержки, испытательное укрепление

Фрагмент каземата ДОТ "Миллионный"

Интерьер ДОТ "Миллионный", высота "Язык"

Траншеи на высоте "Язык"

Надолбы на высоте "Язык"
Укреп узел "Тайпале"

Большой артилерийский ДОТ прикрывавший дорогу к батарее Каарнайоки

Тот же ДОТ. Вид сверху.

Небольшой пулеметный ДОТ на крутом берегу в устье реки Бурная (Тайпале)

ДОЛГИЙ ВЕК КАВАЛЕРГАРДА

Кавалергарда век недолог…
Булат Окуджава

Коронация Царя-мученика. Во главе процессии идут два самых рослых кавалергарда – Маннергейм (справа) и фон Кноринг

Для наших прадедов и дедов он был и навсегда остался героем русско-японской и Великой войн, возглавившим Белое движение в Финляндии, блестящим кавалергардом, до конца жизни хранившим штандарт Кавалергардского полка и фото Государя Императора Николая Александровича с собственноручной дарственной надписью. Для Севера Европы – символом национальной стойкости в борьбе с большевизмом. Для Финляндии – регентом страны, Главнокомандующим ее вооруженными силами, Президентом и знаменем в борьбе за независимость.

Георгиевский кавалер, генерал-адъютант барон Карл Густав Эмиль Маннергейм, потомок древнего шведско-финского рода, вопреки утверждению покойного Булата Окуджавы в его известной песне о кавалергарде из фильма «Звезда пленительного счастья», прожил весьма долгую, хотя и бурную, жизнь. Он родился 4 июня 1867, а скончался 27 января 1951 года. Из 83 лет, отпущенных барону Господом в этой земной жизни, он почти 70 лет был военным. Как писал сам Маннергейм: «Мне исполнилось 15 лет, когда в 1882 году я поступил в кадетский корпус Финляндии. Я был первым из трех поколений Маннергеймов, кто посвятил себя военной карьере».

Он был истинным патриотом своего ***Отечества*** – Всероссийской Империи – но готов был до последней капли крови служить и своей ***Родине*** – Финляндии. Когда она была в опасности, он вставал на ее защиту. Когда опасность отдалялась, он уходил с высоких постов – всегда добровольно. Выполняя тайное поручение русской военной разведки, он в 1905-1906 гг. совершил полное опасностей и приключений путешествие в Китай, Тибет и Центральную Азию, где, в борьбе за Сердце Азии, насмерть схлестнулись интересы двух величайших империй тогдашнего мира – Российской и Британской – и был принят самим Далай-Ламой, чего не удостоился «розовый» Рерих!

Маннергейм участвовал во всех крупных войнах XX столетия: в русско-японской войне и Первой мировой войне (на стороне России), в войне за независимость Финляндии (на стороне финской Белой гвардии против красных), в советско-финляндской «зимней войне» 1939-1940

годов (против советской агрессии), во Второй мировой войне (на стороне Германии против большевиков). За храбрость в боях под Люблином в Великой войне барон Маннергейм был награжден золотым Георгиевским оружием.

Генерал-адъютант барон Карл Густав Эмиль Маннергейм принадлежал к числу немногих верных слуг благоверного Царя-Мученика Николая II. В день Священного Коронования Государя он, в парадной кавалергардской форме, по правую руку от Государя, шагал во главе торжественной процессии, сопровождавшей Николая Александровича в Успенский Собор Московского Кремля. В день отречения Государя Императора от Престола барон Маннергейм командовал кавалерийской дивизией на Румынском фронте. Подобно двум другим стойким монархистам, верным присяге, данной Царю и Отечеству – генералам графу Келлеру и хану Нахичеванскому – барон Маннергейм наотрез отказался присягнуть масонскому Временному правительству. Сразу же после Февральского переворота 1917 года Маннергейм потребовал от других русских военачальников (в том числе от будущих вождей Белого движения) восстать против узурпаторов-предателей Отечества. Но русские военачальники в массе своей колебались… до 1918 года, когда в Великом Княжестве Финляндском, под предводительством барона Маннергейма, была, с помощью белых германских войск генерала графа Рюдигера фон дер Гольца, разгромлена Красная гвардия (между прочим, именно в Финляндии противостоящие красным отряды антибольшевицких добровольцев получили название ***«Белая гвардия»***). С самого начала Гражданской войны и по самый день смерти барона Маннергейма на его рабочем столе в военной Ставке стояла фотография Царя-Мученика Николая II, подаренная и подписанная Самим Царственным Страстотерпцем, являвшимся, как Великий Князь Финляндский, наивысшим авторитетом в глазах Маннергейма. Спасение крошечной Финляндии в трех смертельных схватках с большевизмом (в 1918, 1930-40 и 1941-44 гг.), вне всякого сомнения, объясняется небесным заступничеством Святого Благоверного Царя, не оставившего в беде своего верного слугу и паладина.

До самых последних дней военной службы Маннергейм не расставался со своим русским денщиком. Он уверял, что в финской армии никто не умеет чистить сапоги, как следует – и, наверно, был прав.

В период Второй мировой войны финская армия до 1944 г. поддерживала Третий рейх и участвовала в осаде Ленинграда. Однако ни один снаряд финской артиллерии (в отличие от германской) не был выпущен по осажденному Петербургу – городу, в котором финский Главнокомандующий провел лучшие годы своей жизни и которому он с юных кавалергардских лет раз и навсегда отдал всю свою любовь.

Когда Маннергейм не воевал, он крепил оборону своей страны. В 1931-1938 гг. под его личным руководством была возведена знаменитая «Линия Маннергейма». Сам маршал, впрочем, отзывался о ней очень

скромно: «…оборонительная линия, конечно, была, но ее образовывали только редкие долговременные пулеметные гнезда да два десятка выстроенных по моему предложению новых дотов, между которыми были проложены траншеи. Эту позицию народ и назвал *«Линией Маннергейма»*. Ее прочность являлась результатом стойкости и мужества наших солдат, а не результатом крепости сооружений».

Как и положено настоящему полководцу, он гордился не техникой, а простыми солдатами – верными сынами Финляндии, в том числе и русского происхождения. Когда советские войска в конце «зимней войны» ворвались, наконец, в разрушенный Выборг, они были встречены пулеметным огнем с колокольни православного храма. Подавив пулеметную точку, большевики обнаружили, что пулеметчиком была дочь местного русского православного батюшки. А свой военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия барон Карл Густав Эмиль Маннергейм до конца жизни ценил выше всех своих других многочисленных боевых орденов.

Вольфганг Акунов.

БЕЛОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА РОССИИ И МАРШАЛА ФИНЛЯНДИИ КАРЛА ГУСТАВА МАННЕРГЕЙМА

Первый фельдмаршал Финляндской республики (19 мая 1933г.) Густав Маннергейм.

Карл Густав Маннергейм, потомок старинного голландского рода, родился 4 июня 1867 г. в шведской семье на юго-западе Великого княжества Финляндского. В детстве семью Маннергеймов постигло несчастье — отец Карла ушел из семьи. Биограф Маннергейма Вейо Мэри повествует: «Отец Маннергейма утратил свою отцовскую роль. Отцовский авторитет Маннергейм для себя обрёл позднее в Царе, государстве, законе и традиционном, строго сословном обществе — и этот авторитет былъ намного сильнее того, каким обладал настоящий отец. Поразительно долговременная и прочная духовная зависимость от самодержавной династии Романовых хорошо показывает, чей авторитет укрепляется за счет утраченного отцовского».

Маннергейм с отличиемъ окончил в 1889 г. Николаевское кавалерийское училище и в чине корнета начал свою службу въ 15-ом драгунском Александрийском полку. В 1890-99 гг. Маннергейм продолжил службу в Кавалергардском полку, а с 1903 г. — в Офицерской кавалерийской школе. Будучи лютеранином, Маннергейм был женат на православной. Обряд венчания был совершен дважды — в православной церкви и лютеранской кирхе. Однако, не по обычаю лютеран, Маннергейм всю жизнь носилъ золотой нательный крест. В своих мемуарах Маннергейм писал: «...самое незабываемое впечатление производило празднование Пасхи, самого крупного праздника глубоко верующей России, который предварялся семинедельным постом. Вершиной этого святого праздника было полночное богослужение в канун Пасхи, оно начиналось с того, что провозглашалось воскресение Христа, а верующие совершали крестный ход съ зажженными свечами. Люди обнимались и трижды целовались по старинному русскому обычаю. Традиционная пасхальная пища —

пасха, куличи и яйца — освящались священником, а затем начиналась служба... Пасха также знаменовалась всеобщей благотворительностью, когда щедрая русская натура вступала в свои права и все люди, начиная с Царя, подносили подарки близким... В больших городах царило редкостное и теплое настроение... и все это время звонили колокола».

Добровольцем участвовалъ Маннергейм въ русско-японской войне 1904-5 гг. в составе 52-го драгунского Нежинского полка и за боевые отличия был произведен в полковники. С болью и гневом описывал боевой офицер революционные настроения того времени: «...легко было прийти к выводу, что армия находится на грани развала. Новообретенная "свобода" воспринималась очень просто: военные полагали, что могли делать все, что им заблагоразсудится... Вокзалы и железно-дорожные депо находились в руках бунтующих солдат. Само слово "свобода" в эти дни служило паролем. Комендантъ вокзалов были безпомощны, а тех, кто пытался навести порядок, разстреливали... Но порядок, во всяком случае, удалось навести, и монархия была спасена — в Петербурге и Москве с помощью гвардейских полков, не принимавших участия в войне, а в других районах страны — с помощью кавалерийских частей». В то время в относительно спокойной Финляндии тоже начались революционно-националистические брожения. Подпольная газета «Свободное слово», печатавшаяся и распространявшаяся из-за границы, обнародовала список финнов, продолжавших верой и правдой служить Царю и «большому» отечеству. В нем значилось и имя Маннергейма. Биограф пишет: «Он не доверял рейхстагу (парламенту — авт.), не верил въ компетентность депутатов и надежность подобного парламента. Всеобщие же выборы он в то время простонапросто высмеивал».

В 1906-8 гг. — в экспедиции по Средней Азии и Китаю по заданию российского Генеральнаго штаба — Ман-нергейм получил от китайцев следующий перевод своей фамилии: «Конь, скачущий сквозь звёзды».

I Міровую войну Маннергейм встретил в должности командира Отдельной Гвардейской кавалерийской бригады. Согласно его мнению, русская армия была недостаточно подготовлена к предстоящей войне и посему неудачи русской армии в 1914 — начале 1915 гг. были закономерны. За боевые заслуги Маннергейм был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (этой наградой он наиболе дорожил до конца своей жизни) и Золотым Георгиевским оружием. Храбрый военоначальник, Маннергейм со свойственной солдату прямотой несколько поверхностно оценивал государственные и военные таланты Царя Николая II, считая, что императору «по причине отсутствия его в столице было трудно следить за другими проблемами государства». Но при всем том Маннергейм оставался воистину верноподданнымъ «Белого Царя». В 1915 г. Маннергейм становится начальником 12-й кавалерийской дивизии, в мае 1917 г. — командиром 4-го кавалерийского корпуса. В том же году ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

С сухой телеграфной точностью повествует Маннергейм о страшном

свою последнюю встречу с Императрицей Александрой Феодоровной:

«[...] Вы знаете (может вам сие разсказывал лично), что мне привелось как величайшее счастие видеть Императрицу Александру Феодоровну въ Царском Селе.

Этого никто не знает, мое же положение не позволяет мне об этом нигде говорить и когда-нибудь это узнают по моим мемуарам, которые выйдут или после моей смерти, или после того, как власть подлого хама [...] навсегда исчезнет из России.

Так вот я, как сейчас помню слова Ея Величества, обращенныя ко мне:

«Я поняла и понимаю, барон», сказала она, «ненависть к нам Гучкова, Керенского и других, но за что нас так ненавидят такие люди, как генерал Корнилов, которого так обласкал Ники? Вы знаете, барон, меня давно, и знаете, что я себя умею держать в руках, но в тот час, когда генерал Корнилов с красным бантом рядом с пожалованным ему Ники орденом Св. Георгия вошел ко мне и сказал мне: "Гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повеление Временного правительства", у меня потемнело в глазах».

И тут на глазах Императрицы появились слезы».

Во время большевицкого переворота Маннергейм находился в Одессе. Он сразу же собрал знакомых ему офицеров, дабы призвать их к вооруженной борьбе с большевиками. Но даже в офицерской среде царил страх и разсеянность: «Я сказал, что сопротивление необходимо и хорошо бы, если бы во главе движения стал кто-нибудь из великих князей. Лучше погибнуть с мечом в руке, чем получить пулю в спину. Мои соседи по столу придерживались другого мнения и считали борьбу против большевиков безнадежным делом». В декабре 1917 г. Маннергейм выехал в Финляндию. Пробыв неделю в Хельсинки, он вернулся в Петроград, ибо его «интересовало, что могли сделать те силы, которые должны были спасти Российское государство». Но он заметил, что «там не было и намека на сопротивление... советская власть все более укрепляется и становится угрозой для молодого финского государства». Маннергейм принял решение — не забывая о освобождении «большой родины» — России, сегодня чрезвычайно важно позаботиться о спасении от большевицкого ига своей «малой» родины — Финляндии.

Уже въ октябре 1917 г. стало ясно, что т. н. «гвардия порядка» въ Финляндии является настоящей красной гвардией, которая в ноябре того же года занялась убийствами и грабежами. Большевицкое правительство лишь формально признало независимость Финляндии, на самом же деле за счет пробольшевицки настроенных русских воинских частей и изменнической красной гвардии стремилось к захвату и большевизации Финляндии. Руководителем антибольшевицкой борьбы в январе-мае 1918 г. стал генерал Маннергейм. На стороне Маннергейма были его соратники — российские офицеры вне зависимости от их национального и религиозного происхождения (один из них — генерал-майор фон Герих, командир бригады во время I Міровой войны), финское народное ополчение (шюцкор) и немногочисленные добровольцы. Надо отметить,

свою последнюю встречу с Императрицей Александрой Феодоровной:

«[...] Вы знаете (может вам сие разсказывал лично), что мне привелось как величайшее счастие видеть Императрицу Александру Феодоровну въ Царском Селе.

Этого никто не знает, мое же положение не позволяет мне об этом нигде говорить и когда-нибудь это узнают по моим мемуарам, которые выйдут или после моей смерти, или после того, как власть подлого хама [...] навсегда исчезнет из России.

Так вот я, как сейчас помню слова Ея Величества, обращенныя ко мне:

«Я поняла и понимаю, барон», сказала она, «ненависть к нам Гучкова, Керенского и других, но за что нас так ненавидят такие люди, как генерал Корнилов, которого так обласкал Ники? Вы знаете, барон, меня давно, и знаете, что я себя умею держать в руках, но в тот час, когда генерал Корнилов с красным бантом рядом с пожалованным ему Ники орденом Св. Георгия вошел ко мне и сказал мне: "Гражданка Александра Феодоровна Романова, встаньте и выслушайте повеление Временного правительства", у меня потемнело в глазах».

И тут на глазах Императрицы появились слезы».

Во время большевицкого переворота Маннергейм находился в Одессе. Он сразу же собрал знакомых ему офицеров, дабы призвать их к вооруженной борьбе с большевиками. Но даже в офицерской среде царил страх и разсеянность: «Я сказал, что сопротивление необходимо и хорошо бы, если бы во главе движения стал кто-нибудь из великих князей. Лучше погибнуть с мечом в руке, чем получить пулю в спину. Мои соседи по столу придерживались другого мнения и считали борьбу против большевиков безнадежным делом». В декабре 1917 г. Маннергейм выехал в Финляндию. Пробыв неделю в Хельсинки, он вернулся в Петроград, ибо его «интересовало, что могли сделать те силы, которые должны были спасти Российское государство». Но он заметил, что «там не было и намека на сопротивление... советская власть все более укрепляется и становится угрозой для молодого финского государства». Маннергейм принял решение — не забывая о освобождении «большой родины» — России, сегодня чрезвычайно важно позаботиться о спасении от большевицкого ига своей «малой» родины — Финляндии.

Уже въ октябре 1917 г. стало ясно, что т. н. «гвардия порядка» въ Финляндии является настоящей красной гвардией, которая в ноябре того же года занялась убийствами и грабежами. Большевицкое правительство лишь формально признало независимость Финляндии, на самом же деле за счет пробольшевицки настроенных русских воинских частей и изменнической красной гвардии стремилось к захвату и большевизации Финляндии. Руководителем антибольшевицкой борьбы в январе-мае 1918 г. стал генерал Маннергейм. На стороне Маннергейма были его соратники — российские офицеры вне зависимости от их национального и религиозного происхождения (один из них — генерал-майор фон Герих, командир бригады во время I Міровой войны), финское народное ополчение (шюцкор) и немногочисленные добровольцы. Надо отметить,

что в начале повествования о войне к большевицким русскоязычным частям бывшей российской армии Маннергейм применяет понятие «русский». Но, по мере продолжения разсказа, понятие «русский» все чаще заменяется понятием «красный», «большевицкий» и т. п. Сие ясно показываетъ, что Маннергейм стремился отделить Россию от большевизма, считая ее лишь временно порабощенной коммунистами территорией. Маннергейм одновременно не идеализировал и финнов, считая, что многие из них способствовали успехам большевиков в их собственной стране. Вероятно, именно по причине ношения самим Маннергеймом и его сторонниками белых нарукавных повязок, антибольшевицкое движение получило название «белого». В то время в кабинете Маннергейма на его письменном столе стоял портрет св. Царя-мученика Николая II...

Маннергейм писал: «В рядах белой армии служат все те, кто разделяет наши надежды. Свидетельство этому — тысячи белых крестов на кладбищах в разных районах Финляндии. Они взывают, чтобы жертвы не были напрасны». В ходе гражданской войны в Финляндии погибло около 1 тыс. белогвардейцев и 4 тыс. красногвардейцев. Число жертв террора превысило 24 тыс. человек.

Утром 1 мая 1918 г., после взятия Выборга и бегства коммунистических вожаков, прошло празднование победы — торжественное богослужение, парад и скромный обед для почетных гостей. Маннергейм отчетливо понимал, что без самоотверженности простого солдата, ополченца и добровольца, победа не была бы достигнута и через две недели в приказе по армии писал: «Солдаты! Пусть в вашу честь высоко развевается наше незапятнанное знамя, наше красивое белое знамя, которое объединило вас и привело к победе!».

Итак, к середине 1918 г. Финляндия была практически освобождена от большевиков, и под командованием Маннергейма находилась 80-тысячная боеспособная армия, готовая двинуться на освобождение и исконно российских территорий, в т. ч. и Петрограда. В октябре 1919 г. Маннергейм писал: «Освобождение Петрограда — это не чисто финско-русский вопрос, это всемірный вопрос окончательного мира... Если белыя войска, сражающиеяся сейчас под Петроградом, будут разбиты, то в этом окажемся виноватыми мы. Уже сейчас раздаются голоса, что Финляндия избежала вторжения большевиков только за счет того, что русские белые армии ведут бои далеко на юге и востоке». Не дали осуществиться подобным благим намерениям:

1. Немцы, экспедиционный корпус которых в то время пребывал в Финляндии. Ибо большевицкое правительство Ленина было их рук делом. В феврале 1918 г. посол Германии в Стокгольме писал в Берлин, что, как он слышал от некоторых финнов, Маннергейм ставит палки в колеса немцам и шведам, поскольку нагл, тщеславен и любит русских.

2. Финские крайние националисты, расчитывающие на то, что продолжение безпорядков в России на руку независимой Финляндіи.

3. Русские ура-патриоты, нежелавшие «торговать завоеваниями Петра Великого», будто бы большевизм яв-

лялся в то время лучшей формой управления этими завоеваниями.

Маннергейм же предсказал, что если объединенные армии белых не уничтожать большевизм, то сам он не падет в ближайшее время и еще покажет свою агрессивную сущность в недалеком будущем. В числе немногочисленных государственных деятелей, поддерживающих стратегические планы Маннергейма, был болгарский царь Борис и маршал Пилсудский въ Польше.

Маннергейм являлся регентом Финляндии в 1918-19 гг. Видя в этом волю Божию и понимая сакральный смысл государственной власти, Маннергейм попросил на сие благословения Лютеранской церкви, что было необычно для Финляндии. Маннергейм приклонил колена перед архиепископом, а тот, возложив руки на его голову, прочел молитву о том, чтобы это ответственное дело послужило славе Божией и счастью отечества.

Весной-летом 1919 г. командующий Северо-западной армией генерал Юденич и Маннергейм, не скрывавший своих русофильских настроений, достигли тайной договоренности о совместных действиях против большевиков. Финский рейхстаг всячески противился подобным действиям, и Маннергейм все более склонялся к решению вопроса посредством государственного переворота. По его замыслу, после захвата Петербург в кратчайшее время должен быть передан русской власти Юденича, который стоял на почве лояльного признания независимости Финляндии, но окончательное решение этого вопроса оставил за Российским учредительным собранием. Адмирал Колчак одобрил этот план, указав на то, что в освободительной армии Маннергейма обязательно должны участвовать русские. Но под давлением столь нелюбимых им «представителей народа», Маннергейм поставил осуществление своего плана в зависимость от президентских выборов, которые он проиграл...

После отставки Маннергейма и крушения армии Юденича финское националистическое правительство изменило в худшую сторону отношение к русским. Но даже в январе 1921 г. генерал П.Н. Краснов предлагал сформировать международный десант для борьбы с большевиками, движение которого на Петроград намечалось на весну 1922 г. С этой целью предлагалось сформировать четыре корпуса: два — из остатков русской белой армии, один — при содействии иностранцев и один — в Финляндии при содействии барона Маннергейма.

Гораздо позже, во время советско-финской войны 1939-40 гг., главнокомандующий вооруженными силами Финляндии Маннергейм, руководствуясь христианским милосердием, прилагал большие усилия для спасения десятков тысяч советских военноплнных от голодной смерти. Часть из них до конца 1941 г. была передана на сельскохозяйственные работы. Хотя СССР не подписал Женевской конвенции 1929 г., в результате личных переговоров Маннергейма с представителями Красного Креста эта организация оказала значительную помощь советским военнопленным. В доме-музее Маннергейма в Хельсинки до сих пор хранятся трогательные и благо-

дарные письма военнопленных, где они писали, что во вражеском плену с ними обращались лучше, чем в своей армии. Здесь же находятся и подарки от них, в том числе — аппликация из барачной соломы — золотой лев на лазурном поле.

Русская белая эмиграция попыталась воспользоваться советско-финской войной для формирования Русской Национальной Армии (РНА) из добровольцев и военнопленных для борьбы с большевиками. В феврале-марте 1940 г. было сформировано 5 отрядов РНА, но в боевых действиях успел принять участие только один. Мало кто знает, что среди белофиннов на Карельском перешейке воевали и белые русские — бывшие офицеры дореволюционной русской армии, оставшиеся в Финляндии и защищавшие теперь свою новую родину, в которой видели небольшую часть старой России. На православном кладбище можно прочесть выписанные финскими буквами русские имена павших белых воинов: Михаил Попков, Лев Неволин, Феодор Шаверин, Михаил Юдин, Алексей Бабицын, Валентин Петров, Василий Петров, Александр Станкевич, Петр Матюшин...

4 августа 1944 г. Маннергейм был избран президентом Финляндии и ушел в отставку 4 марта 1946 г. В то время он отдал первый этаж своего дома людям, лишившимся своих жилищ по причине войны. В 1948 г., незадолго до смерти, Маннергейм с горечью писал: «Если бы народы Европы тридцать лет назад не были бы убаюканы необъяснимым чувством безопасности, а сознательно открыли людям глаза на ту опасность, которую с собой несло распространение большевизма, мір сейчасъ был бы совсем другим». Ведь тогда его не поняли ни западноевропейские державы, ни «народные представители» в Финляндии. 28 января 1951 г. Маннергеймъ скончался в Лозанне (Швейцария) и был похоронен в Хельсинки 4 февраля 1951 г. Въ его доме-музее на почетном месте среди 124 наград хранится алюминиевый солдатский медальон за номером 000001 — медальон первого белого воина, русского генерала и финского маршала Карла Густава Маннергейма.

Библиография

Александров Кирилл, «30 ноября 1939 года: итоги и выводы», «Посевъ», 1999 Г., №11

Гессенъ И.В., «Годы изгнанія. Жизненный отчетъ», Парижъ, б.г.

Деникинъ А.И., «Очерки русской смуты», IV т., Берлинъ, 1925 г.

К. А., «XX век маршала Маннергейма», «Посевъ», 2000 г., №3

Красовицкий, свящ. Стефан, «Монархическій путь», «Имперскій вѣстникъ», 1999 г., январь

он же, «Карлъ Густавъ Маннергеймъ — маршалъ Финляндіи — патріотъ Россіи», «ПравославнаяТверь», 1999 г., №1-2

Маннергейм Карл Густав, «Мемуары», Москва, 1999 г.

Осипов Георгий, «Двуглавый лев страны Суоми», «Русская мысль», 1-7февраля, 2001 г.

Шкаренков Л.К., «Агония белой эмиграции», Москва, 1981 г.

Кирилл Глазков

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА

От вошедшей во все учебники истории "линии Маннергейма", системы долговременных укреплений на Карельском перешейке в 32 км от Ленинграда, ныне не осталось и следа. Сооруженная в 1927-1939 гг. для защиты от советской экспансии, система дотов, траншей, бункеров, протяженностью 135 км и глубиной 90 км, измотала советские войска зимой 1939/40 г. и в конечном счете принесла долгожданное для финнов перемирие. Справедливости ради надо сказать, что "линию Маннергейма" советские солдаты прорывали дважды – в 1939 и в 1944 г. и в первом случае не хватило еще одного натиска, чтобы "осчастливить" Финляндию коммунистическим режимом. Сталин уважал Маннергейма и, похоже, испытывал по отношению к нему комплекс неполноценности – как диктатор-интриган, не знавший побед на ратном поле. Хотя советская пропаганда никогда не жаловала бывшего царского генерала, особенно за деловые контакты с Рейхом, Сталин в 1945 г, заверил Маннергейма, в то время президента Финляндии, что советская сторона не станет поднимать вопрос о привлечении его к суду в качестве военного преступника. Его даже не вызывали в международный трибунал как свидетеля, хотя кавалеру Железного креста и другу Геринга, несомненно, было о чем рассказать. Впрочем, о многом барон Маннергейм поведал в своих мемуарах, которые принесли ему славу острослова и тонкого стилиста. Но если его деятельность в качестве регента Финляндской республики (декабрь 1918 – июль 1919 г.), председателя Совета государственной обороны, главкома финской армии (с 1939 г.) и президента страны (1944-1946) хорошо известна, то до сих пор остается в тени "русский" период жизни человека, который в 1918 г. хотел освободить Петроград от большевиков и восстановить монархию. Одной из малоизвестных страниц жизни Маннергейма остается его двухгодичное путешествие в Азию в качестве разведчика. Еще во время русско-японской войны Маннергейм, командовавший кавалерийским отрядом в Китае и Монголии, отправил в генштаб проект военной рекогносцировочной

экспедиции. Свое предложение он мотивировал тем, что отсутствие картографического материала затрудняло ведение боевых действий и сковывало наступательную инициативу. Генштаб одобрил проект и назначил экспедицию на весну 1906 г.

"Цель экспедиции, – писал автор биографии Маннергейма Вейо Мери, –

(Мери Вейо. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии / Пер. А. Афиногеновой. М., 1997.) состояла в том, чтобы выяснить результаты политики реформ, проводившейся в Китае, и ее влияние на граничившие с Россией области. Маннергейму предстояло составить карты дорог, по которым он будет продвигаться, и изучить их возможное военное значение; составить статистические таблицы плотности населения, природных богатств и производственных мощностей; узнать настроения, царившие среди тех малых народностей, которые полвека назад подняли восстание против центральной и местной администрации Китая, – Маннергейм должен был определить, в какой степени эти народы в кризисной ситуации готовы и способны сотрудничать с русской армией.

Военная рекогносцировка и шпионская деятельность камуфлировались под научную работу. Предполагалось полностью сохранить в тайне принадлежность Маннергейма к русской армии, представив его шведским подданным, который принимает участие в крупной исследовательской экспедиции французов. Франция была союзником России, и эти государства тесно сотрудничали в военной области. Упомянутая экспедиция, правда, не имела ничего общего ни с армией, ни с военными приготовлениями, и ее руководству вовсе не нравилась идея включения в ее состав русского офицера-шпиона. Поэтому отношение к Маннергейму было довольно враждебное.

Маннергейм сам определял объем этнографических и географических исследований. Географические изыскания служили целиком военным целям.

Маршрут путешествия, составленный Маннергеймом заранее и одобренный императором, совсем не совпадал с маршрутом французской экспедиции.

Чтобы обмануть китайские власти, почту Маннергейму из России и Финляндии переправляли через Швецию, где письма запечатывались в конверты со шведскими марками.

Связным Маннергейма стал его отец. Как настоящий шпион, Маннергейм посылал в Генштаб промежуточные рапорты, вставляя их в свои длинные письма к отцу. Отец должен был выуживать информацию, представлявшую интерес для Генерального штаба, и отправлять ее по назначению, точнее говоря, начальнику Генштаба, носившему кличку Федя – фамилия Палицын не упоминалась.

Маннергейм приобрел два фотоаппарата, которыми учился пользоваться, и множество подарков – в Азии их надо было раздавать направо и налево. Он накупил ножей, солнцезащитных очков, компасов, иголок, духов и леденцов – леденцы он обычно покупал и для себя где только можно, – цветных карандашей, бумаги и конвертов. В выборе подарков ему советами помогал финский исследователь

Азии Г. Ю. Рамстедт, владевший китайским, японским и монгольским языками. Руководителя французской экспедиции Пеллиота Маннер-гейм попросил купить для него в Париже часы, зеркальца, музыкальные шкатулки, цветные открытки с женщинами и даже порнографические открытки. На все это он положил 1000 франков.

Экспедиция Маннергейма финансировалась Генеральным штабом России, финским статс-секретариатом и "Финно-угорским обществом", членом которого был Маннергейм. Жалованье ему выплачивалось в течение всей экспедиции.

У Маннергейма было 490 кг багажа. В Ташкенте, откуда предстояло трогаться в путь, он купил пуд охотничьего пороха, семь берданок и 2000 патронов к ним. Услышав, что император распустил Думу, Маннергейм заторопился".

С первых же дней у Маннергейма начались трения с руководителем французской экспедиции, к тому же маршрут Пеллиота не устраивал Маннергейма. Ко всему прочему, вскоре француз проболтался о истинной роли "шведского ученого". Возможно, утечка информации была намеренной. Как бы то ни было, но китайцы быстро разобрались в ситуации, и пекинские газеты вскоре запестрели заметками, что иностранец, фотографировавший мосты и перевалы, русский подданный. Маннергейм оставался шведом лишь до Кашгара.

"В Кашгаре русский консул показал Маннергейму секретные рапорты об активности японцев в провинции Синьцзян, из-за чего тот изменил свой первоначальный план идти на юго-восток и через Ярканд и Хотан двинулся вдоль западной оконечности пустыни Такла Макал, но японцев так и не увидел. Подобные отклонения от первоначальных маршрутов Маннергейму приходилось делать не один раз.

Англичане, внимательно наблюдавшие из Индии за теми же местами, остались в неведении относительно истинного характера задания Маннергейма. Он сам прилагал все силы, чтобы не выдать эту тайну. Даже казаки не знали, что он офицер их собственной армии.

В Восточном Туркестане Маннергейм провел больше года. Этот район входил в китайскую провинцию Синьцзян и был населен этническими турками-мусульманами.

Три недели Маннергейм шел по Великому шелковому пути. В Ярканде, красивом, по его мнению, городе, ему пришлось провести пять недель по причине ревматизма. О болезнях такого рода он в своем дневнике пишет неохотно, о некоторых вообще не упоминает.

Самые сложные переходы Маннергейм преодолевал верхом на Филине, который, однако, имел обыкновение на горных тропинках идти по самому краю скалы, наводя ужас на седока. Две другие лошади погибли от сапа, поэтому Маннергейм находился в полной зависимости от Филина.

В Пекине Маннергейм продал Филина Корнилову, позднее получившему чин генерала, а в то время работавшему военным атташе в Китае. По случайному совпадению именно Корнилов двумя годами ранее в Ташкенте отправлял Маннергейма в экспедицию, а сейчас получил возможность порадоваться его возвращению в цивилизацию. С ним

Маннергейму довелось встречаться и позднее. В мировую историю Корнилов вошел в 1917г., когда двинулся со своими войсками на Петербург, намереваясь свергнуть правительство Керенского. В тот момент Маннергейм тоже входил в группу генералов, не принявших революцию.

Во время путешествия по Азии Маннергейм был не совсем отрезан от мира. Через торговые предприятия и русские консульства он посылал письма и даже объемистые посылки. Например, послал на родину головы убитых им горных козлов, различные предметы, представлявшие этнографический и исторический интерес, которые он покупал, а также документы. В свою очередь он получал почту из дома.

Маннергейм проникся весьма имперским по духу, киплинговским пониманием прав и обязанностей белого человека, бремени, которое он вынужден нести. Киргизы и сарты – малые народности России и Китая – беспрерывно жаловались на администрацию белых и ее методы управления. А в это время строились железные дороги, процветало хлопководство, вновь воцарялись мир и безопасность. По мнению Маннергейма, для туркестанских мусульман было характерно отсутствие логики, наивность и неумение видеть дальше своего носа. Маннергейм был совершенно неспособен понять, что развитие империализма и его распространение на слаборазвитые страны могло восприниматься этими странами как угнетение, как лишение живущих там людей прав и собственности".

В свой дневник о путешествии по Азии Маннергейм заносил то, что он видел и чувствовал, наблюдал и переживал непосредственно, не опираясь на предрассудки и шаблоны.

Самое сильное в описаниях Маннергейма состоит в его обостренном до крайности восприятии общей картины, способности активизировать все органы чувств до предела возможного, а иногда и перейти этот предел.

Очень внимателен Маннергейм и к чужим обычаям, чужому образу мыслей. Так, например, он понял, что китайцы, оценивая расстояния, называют разные цифры в зависимости от того, насколько трудна дорога, идет ли она вниз или вверх, другими словами, они преобразовывают усилия, требующиеся на преодоление пути, в определенную длину и прибавляют ее к реальному расстоянию. Таким же образом они уменьшают длину пути, если он облегчается спусками, отсутствием препятствий и твердостью земли.

Глаз обманывает, неправильно оценивает расстояние. Однажды солнечным утром Маннергейм из лагеря в Бурге разглядывал виднеющиеся на юге Агъязские горы. В своем снежном убранстве они, казалось, вздымались совсем близко. Трудно было себе представить, что требуется полтора дня, чтобы добраться до их подножия.

Маннергейм обладал способностью в нескольких словах и очень зримо рассказать о том, что он видел, не забывая при этом упомянуть о своем мнении.

С киплинговской силой описывает Маннергейм Китай внутри Великой стены, атмосферу и настроения первого вечера его пребывания там. 29 ноября 1907 г. он верхом въехал во впечатляющие ворота Коуль. С наружной стороны можно было прочитать текст, выбитый на громадном камне: "ди-и-сскунгуан" – "первые

грозные ворота". Одновременно они являются оборонительным сооружением. Маннергейм расположился на ночь на постоялом дворе неподалеку.

"Из расположенного в крепости небольшого китайского гарнизона доносятся монотонные, протяжные звуки вечерней зори, хрустальным звоном уносящиеся в зимнее ночное небо. Потом раздается пушечный выстрел, призывающий честной люд поспешить домой, и тут я отчетливо слышу, как китайское государство захлопывает свои пять обитых железом массивных ворот, и мы все оказываемся под замком".

В 1908 г. Маннергейм остановился в большом городе – Ланьчжоу. Целый месяц он не вел дневника – ему до смерти надоели эти ежедневные записи.

В городе жили миссионеры-европейцы. Там даже был епископ и имелась научная библиотека. Маннергейм заболел и проболел неделю. Он испытывал страшные боли в спине, ногах и голове. Четверо из людей Маннергейма подхватили ту же болезнь. За Маннергеймом ухаживал миссионер Прииди, у которого был еще один пациент, миссионер, заболевший по пути и вынужденный поэтому остаться в городе. Когда он выздоровел, то поразил Маннергейма и тех, кто за ним ухаживал, заявив, будто на самом деле он умер в Ланьчжоу, а то, что он сейчас жив, чудо. "Не знаю, как выбить эту бредовую идею из головы католика, который верит в чудеса. Все мои попытки оказались безуспешными*, – писал Маннергейм. А вокруг китайцы с утра до ночи праздновали Новый год непрерывным карнавалом. Били барабаны, звенели металлические тарелки, рвались петарды. Китайский шум и гам, носивший название музыки, продолжался две недели. По городу маршировали любительские оркестры, состоявшие из 6-9 барабанщиков и стольких же тарелочников. Время от времени музыканты высоко подпрыгивали.

Маннергейм пытался учить китайский. Кроме переводчика он нанял еще одного китайца, который занимался с ним языком, а поскольку у того был слуга, ему пришлось оплачивать и слугу. Чтобы иметь возможность тренироваться в языке, Маннергейм запретил переводчику говорить по-русски.

Маннергейм обладал удивительной способностью чувствовать себя как дома, где бы он ни находился, С почти необъяснимым терпением он приноравливался к ночевкам в каких-то сарайчиках без крыши, и получалось это у него очень естественно.

В начале 1907 г. Маннергейм столкнулся лицом к лицу с проклятием горного края. Экспедиция сутками испытывала нужду в воде, поскольку на их пути не было даже снега, который можно было бы растопить. Больше всех страдали лошади. Маннергейм отмечает, что они выдерживали без воды полтора суток.

Чтобы перечертить начисто составленные им карты, Маннергейм был вынужден сделать шестидневный перерыв. Он боялся, что иначе карандашные линии сотрутся и карты будет невозможно прочесть. С глубоким удовлетворением он отмечает, что на карту нанесены последние из 300 км его пути. Даже горячий суп, приготовленный поваром Измаилом, кажется ему верхом кулинарного искусства. Хорошее психическое состояние Маннергейма связано, по всей видимости, с тем, что он сумел выпол-

нить возложенную на него задачу. Работа сама по себе служила ему наградой за все его усилия. В составленной им серии карт нет ни одного пробела. Он мог проехать длинное расстояние до какого-нибудь бокового перевала и нанести его на карту, только чтобы картографическая серия была полной. С такой же тщательностью он описывал мосты через реки, указывал глубину рек, сезоны наводнений, отмечал, есть ли вблизи мостов леса и как далеко они простираются, поскольку важно было знать, можно ли быстро построить новый мост в случае, если китайцы сожгут старый.

Он исследовал дороги, по которым можно подойти к деревням или городам, и склоны, укрывшись за которыми было бы возможно без людских потерь осуществить эту операцию. Он считал количество домов, скота, лошадей, измерял посевные площади и даже вычислял урожай. Необходимо было представлять себе, на какое количество продовольствия и фуража можно рассчитывать.

Китайцы с самого начала знали, кем на самом деле был Маннергейм. Куда бы он ни попадал, высшие офицеры и высокопоставленные чиновники показывали ему свои гарнизоны и меткость своих солдат. Один даже приказал своим многочисленным женам продемонстрировать искусство стрельбы. Китайцы были искусные стрелки – это практически единственное, чем они отличались в военном деле, и вполне естественным было их желание похвастаться своим умением, Самым маленьким подразделением в армии были пикеты из двух человек – с ними Маннергейм неоднократно сталкивался на дорогах.

По завершении экспедиции Маннергейм написал в Пекине отчет и по пути в Россию ненадолго – всего на восемь дней – заехал в Японию.

Работа над отчетом в 150 страниц заняла шесть недель. Он был опубликован генеральным штабом небольшим тиражом в серии книг об Азии. В книге 192 страницы.

Разрабатывая возможные военные операции на обследованных им территориях, Маннергейм выступает как бы в роли главнокомандующего. Главное наступление русских должно быть сосредоточено на столице провинции Синьцзян, дальше продвигаться не имеет смысла.

Важнее всего отрезать центральный район Китая от остальной его части.

Чтобы достичь Ланьчжоу – главного города провинции Ганьсу, русским войскам потребуется полгода, кроме того, от него слишком велико расстояние до Пекина. Решающий этап боевых действий следует проводить только в Маньчжурии.

Железная дорога, которую китайцы собирались вести до Синьцзяна, по уверению Маннергейма, будет готова еще очень не скоро. И действительно – усилиями китайской армии ее построили только в 1963 г. Реформирование армии началось совсем недавно, и в приграничных районах его эффект еще не заметен.

Из Пекина Маннергейм выезжал всего раз на встречу с далай-ламой, который жил в Китае на правах пленника под постоянным присмотром. Организовать встречу было невероятно трудно, а когда Маннергейму наконец удалось сделать это, ему пришлось приложить немало уси-

лий, чтобы отправиться туда одному – без своего сопровождающего.

Далай-лама сразу же поинтересовался, не привез ли Маннергейм ему какого-нибудь послания, – вероятно, он ждал известий от царя или правительства России. Но у Маннергейма не было с собой ничего, даже подарка для далай-ламы, и он отдал духовному вождю Центральной Азии свой пистолет.

В мемуарах Маннергейм с удовлетворением отмечает, что далай-ламе удалось вернуться в Тибет и, воспользовавшись ослаблением великих держав, создать независимое государство. Маннергейм, который и сам впоследствии совершил подобное, воспринимал далай-ламу как близкого человека и в большой степени отождествлял себя с этим вождем Тибета, – В Петербурге Маннергейм посетил царя, чтобы отчитаться о результатах экспедиции. Аудиенция вместо положенных 15-20 минут продолжалась 1 час 20 минут. Рассказ Маннергейма, к которому он тщательно подготовился, врезался в память императора настолько, что он упомянул о нем в беседе со шведским исследователем Центральной Азии Свеном Гедином, посоветовав ему связаться с Маннергеймом.

Во время экспедиции Маннергейм составил карты 3 тыс. км дорог. Он собирал сведения и о наличии и состоянии проселочных дорог, даже если сам ими не пользовался. Расстояния он мерил, считая количество шагов, сделанных конем. Эта привычка так въелась в него, что однажды во время ночного наступления в годы войны он автоматически начал считать шаги лошади и обнаружил, что они взяли неверное направление. Оказалось, проводник действительно ошибся и пошел не в ту сторону.

В течение всего путешествия Маннергейм вел метеорологические наблюдения с помощью имевшихся в его распоряжении пяти измерительных приборов. Измеряя давление воздуха, он определял и расположение местности относительно уровня моря.

Маннергейму удалось привезти внушительную коллекцию китайских пословиц, собранных французскими миссионерами. Он сделал более полутора тысяч фотографий, имевших отношение к этнологии, географии и истории культуры. Срисовывал древние наскальные рисунки и надписи, собирал старинные книги и рукописи по местной истории. Обнаружил тексты на древнеиндийском языке и на одном из североиранских наречий, известном под именем сакского, – на нем говорили в небольшом ареале в Центральной Азии. Отрывок тек- по всем европейским университетам, поскольку до сих пор существовало лишь два-три письменных источника на этом языке,

Маннергейм нашел и буддийский текст, написанный квадратным монгольским письмом "пагспа". В конце XIII в. указом Кублаи-хана это письмо стало официальным письмом монголов, просуществовав до середины XVI в. Алфавит не встречался ни в книгах, ни в памятниках. Так что находка Маннергейма была настоящим раритетом.

Николай II высоко оценил результаты экспедиции Маннергейма. Через некоторое время он получил перспективное назначение в Варшаву, на должность командира гвардейской кавалерийской бригады.

Кирилл Монастырский

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОЛКОВНИКА МАННЕРГЕЙМА

С именем Маннергейма у всех, кто изучал историю СССР, связано понятие «Линия Маннергейма». Старшее поколение, возможно вспомнит, что именно под руководством барона Маннергейма в 1918 году военной силой была подавлена революция в Финляндии. И не так уж много россиян знает, что Карл Густав Эмиль Маннергейм, швед по национальности, выходец из голландского рода Маархайм, был в течение почти тридцати лет офицером русской армии. Дослужившийся до чина генерал-лейтенанта выпускник Николаевского кавалерийского училища был участником русско-японской и первой мировой войн. Из 124 наград, в том числе и высших, разных стран, Маннергейм больше всего ценил скромный крест ордена Св. Георгия 4-й степени, которого был удостоен за личную храбрость в 1914 году.

Но совсем мало кто знает, что Карл Маннергейм был выдающимся путешественником. Николай Пржевальский, Михаил Певцов, Всеволод Роборовский, Петр Козлов — в этот ряд русских офицеров, в разные годы возглавлявших военно-географические экспедиции в Центральную Азию и Китай, по праву должен быть включен полковник Карл Маннергейм, совершивший в 1906-1908 годах экспедицию из Средней в Центральную Азию: от Самарканда до Пекина, верхом на лошадях.

В истории русских путешествий это была поистине «пропавшая экспедиция». До революции на отчете о ней, написанном Маннергеймом, стоял гриф «Не подлежит оглашению», а после революции имя Маннергейма, если и упоминалось, то только в «контрреволюционном» и «антисоветском» контекстах.

«Весной в 1906 году, вскоре после моего возвращения с театра войны, мне было предложено начальником Генерального Штаба совершить поездку из Русского Туркестана через Западный Китай... вплоть до Пекина», — такими словами Карл Карлович Маннергейм (так он звался в России) начинает свой отчет о «поездке», изданный в 1909 году. Описывая подготовку экспедиции, К. Маннергейм «не огласил» ее подоплеку. А заключалась она в том, что генерал Палицын, предложивший полковнику Маннергейму «совершить поездку» по северным провинциям Китая, граничащим с Россией, преследовал цель получить военно-политические сведения. И сделать это предполагал, включив русского офицера, способного получить та-

кие сведения, в состав экспедиции известного французского синолога Поля Пеллио. Однако тот поставил условия, которые русский Генеральный Штаб счел унизительными, — и по высочайшему повелению была снаряжена самостоятельная экспедиция. «После некоторых колебаний, вызванных недостаточным знакомством с Центральной Азией и Китаем», полковник Маннергейм все же «решил воспользоваться заманчивым предложением».

Цель экспедиции барона Маннергейма была напрямую связана с неудачами России в недавней войне с Японией. Пройдя по провинциям Застенного Китая, полковник Маннергейм должен был ознакомиться с подготовкой обороны страны, обучением войск, выяснить, насколько реформы центрального правительства Китая отразились на его северных провинциях, какова интенсивность их колонизации китайцами, как относится коренное население этих мест к России и насколько в этих местах заметно японское влияние. Было поручено также исследование пути к городам Кашгару, Ланьчжоу и далее — Пекину «в смысле изучения условий движения наших кавалерийских отрядов».

Военно-географическими целями экспедиции были — описание пути из Кашгара в Уч-Турфан, а также военно-статистическое описание оазиса Аксу и пути из него в Кульджу. Требовалось, кроме того, исследовать долину реки Юлдуза. Последним пунктом обширного экспедиционного задания была «разведка подготовки г. Ланьчжоу в смысле военной базы».

К тому же Маннергейм имел поручение Финно-угорского общества собрать, по возможности, археологические и этнографические коллекции для создававшегося в Гельсингфорсе Национального музея Финляндии.

И все эти задачи ставились не перед многочисленной экспедицией, которую полковник Маннергейм только возглавляет, а собственно перед ним, поскольку в составе экспедиции, кроме ее начальника, были два конвойных казака да несколько «наемных людей» из местных жителей, включая переводчика.

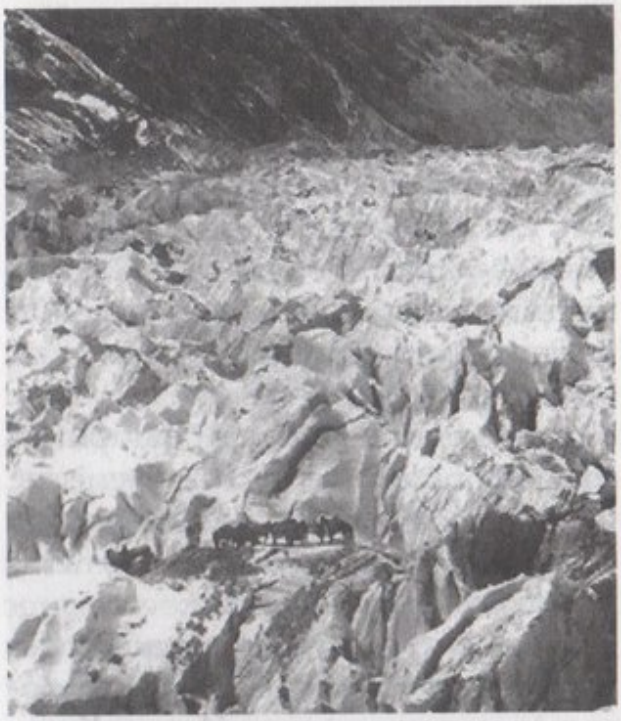
Особенностью снаряжения экспедиции был фотоаппарат «Кодак» с двумя тысячами стеклянных пластинок и запасом химикатов для их обработки. Фотографом был все тот же начальник экспедиции полковник Маннергейм.

Сопровождать экспедицию должны были казаки 2-го Уральского казачьего полка, квартировавшего в Самарканде, — Игнатий Юнусов и Шакир Рахимжанов. «На выбор казаков было командиром полка обращено самое серьезное внимание, последний из них был магометанином и оба говорили по-киргизски. Они сидели на прекрасных конях с щегольскою седловкою. Снаряжение одеждою и оружием было безукоризненно, даже богато», — писал о своих спутниках полковник Маннергейм. Забегая вперед, скажем, что ни одному из них не удалось дойти до Пекина: после первого горного перехода в Кашгар Юнусов был отправлен обратно в полк, а в Кульдже, где закончился первый этап путешествия, серьезно заболевший Рахимжанов был заменен казаком 2-го Сибирско-

го казачьего полка Луканиным. Ему хотя и довелось проделать путь до Пекина, но — на конечном этапе без экспедиции, по железной дороге, что было сделано по совету английского врача, осмотревшего казака, «сильно ослабленного от продолжительного путешествия».

Из Самарканда Маннергейм с двумя казаками выехал через Андижан в Ош. Здесь было заготовлено необходимое снаряжение, по соседству, на ярмарке в Узгене куплены вьючные лошади — и 29 июля 1906 года экспедиция полковника Маннергейма тронулась в далекий путь.

Первым пунктом стал Кашгар — главный город одноименной области, входящей в китайскую провинцию Синцзянь. Экспедиция, преодолев Талдынский перевал, прибыла в него 17 августа. По каким-то причинам Маннергейм в своем отчете 1909 года не упомянул, что путь от Андижана до Кашгара проделали вместе с экспедицией Поля Пеллио. В Кашгаре Маннергейму предстояло «крещение китайскою фамилиею». Вот как он сам рассказывает об этом. «Иностранцы обычно поступают следующим образом. Ставят первым один из немногочисленных иероглифов, употребляемых китайцами в виде фамилий. При этом выбирают такой, который фонетически более всего соответствует первому слогу данной фамилии. К нему прибавляются два других, составляющих вместе с первым красивое изречение... Мне была дана очень распространенная среди китайских мусульман фамилия Ма (конь) и к ней добавлено «да-хан», что вместе значит: «Конь, проскакавший через звезды».



Кстати, конем, проскакавшим вместе со своим всадником от Кашгара до Пекина, стал рыжий киргизский мерин Филипп.

Из Кашгара Маннергейм предпринял «экскурсию» в Хотан через Яркенд по участку знаменитого Шелкового пути. К этому его вынудили упорные слухи о появлении японцев в Китайском Туркестане. В пути Маннергейм жестоко простудился, вслед за ним заболел сопровождавший его переводчик — и в результате в Кашгар, откуда 29 сентября началась

«экскурсия», путешественники вернулись только 21 декабря 1906 года. Но поездка в Хотан не была бесполезной, хотя Маннергейм и убедился в беспочвенности слухов о японцах. Ему удалось собрать обширную коллекцию древностей, раскопанных местными жителями, в том числе старинные манускрипты. Кроме того, он выяснил, какие племена населяют этот и соседний районы Кашгарии, и составил описание местных ремесел. Собрал Маннергейм также сведения о черных и белых нефритах — священных камнях этих мест.

Из Кашгара путь экспедиции лежал по горам Тянь-Шаня на северо-восток, в долину реки Или, к Кульдже. Через перевал Гульджат-Даван экспедиция достигла Уч-Турфана и двинулась далее по реке Таушкан-Дарья от ее выхода из гор до впадения в Оркенд-Дарью, протекающую в песках на севере пустыни Такламакан. Этот нелегкий участок пути экспедиция закончила в оазисе Аксу.

Маннергейм скупо пишет о трудностях, которые приходилось преодолевать. Но само описание пути и сопутствующих событий свидетельствует о том, каким тяжелым подчас оказывалось путешествие. Вот, например, как они добирались из Аксу в Кульджу через горные хребты Хан-Тенгри и Музарт.

«18 марта (1907 г.) мы перевалили через ледник Туф-Мус... Выступив еще в сумерки в 6 часов 20 минут утра, мы достигли поверхности ледника после четырехчасового утомительного подъема. Дорога идет по почти отвесному ледяному склону... После 4-5 часового движения по льду открывается с севера узкое ущелье с глубоким снегом и еловыми лесами... Только в 11-м часу вечера после безостановочного движения с 6 часов 20 минут достигли мы сарая. Вьюки пришли только в 1 час ночи. Переход был особенно тяжелым, потому что Рахимжанов во время подъема заболел лихорадкой. У него оказалась температура в 40о. Вдобавок ко всему его лошадь поскользнулась и упала в трещину, из которой ее с трудом вытащили.

Остановиться, кроме сарая, было негде, да и топлива не было с собою. На этом переходе я насчитал более 30 конских трупов на снегу, другими словами, павших в течение зимы».

31 марта 1907 года в Кульдже закончился первый этап экспедиции. Здесь Маннергейм провел почти месяц, часто выезжая на археологические раскопки вместе с секретарем русского консульства А.А.Дьяковым, археологом-любителем. В Кульдже Маннергейм занимался также антропометрическими измерениями жителей, среди которых насчитывалось более двенадцати национальностей. Здесь, к огорчению Маннергейма, сменилось ставшее привычным имя Ма-Дахан — в паспорте, прибывшем из Пекина, он назывался «Ма-ну-эхэй-му» («Несуразное для уха китайца», — заметил Маннергейм).

22 апреля 1907 года экспедиция полковника Маннергейма выступила из Кульджи «в сопровождении каравана из 1 казака, 5 наемных людей и 16 лошадей». Она спустилась на юг и вышла в долину реки Юлдуз, «втиснутой между громадными горными массивами». По этой долине — участку Шелкового пути — экспедиция двинулась к оазису Карашар: «Ни одного ровного места нет, толь-

ко камень всевозможных размеров, или же карнизы, где лошади высоко над рекою двигаются по обнаженной, скользкой скале». В Карашаре Маннергейм предпринял очередные археологические раскопки и направился в Урумчи — административный центр провинции Синцзянь, куда прибыл 15 июля 1907 года.

После месяца, проведенного в Урумчи, экспедиция направилась в Гучен — один из оживленных торговых центров Синцзяня, а оттуда по вьючной дороге через горы — в Турфан. «На шестой день ...мы после утомительного перехода по раскаленным солнцем камням достигли Турфана». Здесь Маннергейму удалось пополнить археологическую коллекцию уникальным приобретением: он купил фрагменты манускриптов тысячелетней давности, найденные в песках местными жителями.

Из Турфана, снова по участку Шелкового пути, экспедиция направилась в оазис Хами. «Переход через перевал, называемый «Тянь-Шань-даван», был необычайно труден. Нам пришлось в течение 2-х суток лопатами очищать дорогу на расстоянии около 4 верст... Снег имел до 2 аршин глубины». В Хами Маннергейм встретился с представителями малой народности, называемой желтыми уйгурами, о чем позднее написал этнографическую работу, изданную в 1911 году в Гельсингфорсе.

17 ноября 1907 года вблизи Цзяюйгуаня экспедиция прошла через ворота Великой Китайской стены. На следующий день она вступила в Сучжоу — один из трех больших городов провинции Ганьсу. Дальнейший путь проходил по провинциям Внутреннего Китая. Новый, 1908 год Маннергейм встретил в городе Лянчжоу, третьем по населению в провинции Ганьсу. Отсюда экспедиция выступила в Ланьчжоу — главный город провинции, лежавший на берегу Желтой реки (Хуанхэ), и пришла туда 17 января. Здесь по инструкции Генерального Штаба полковник Маннергейм должен был провести «разведку подготовки г. Лань-чжоу в смысле военной базы». Это было выполнено, однако работа, как писал в отчете Маннергейм, «сильно затянулась вследствие инфлюэнцы эпидемического характера, которой поочередно переболели все мои люди. Мне самому пришлось слечь три раза, и мы вышли оттуда 4 марта только наполовину здоровыми».

В конце мая экспедиция прибыла в Тайюань, главный город провинции Шаньси, печально известный поголовным избиением христианских миссионеров во время Боксерского восстания 1900-1901 годов. Здесь китайские власти, по словам Маннергейма, «употребили всевозможные усилия к тому, чтобы побудить меня отказаться от задуманных поездок в северную часть провинции к Далай-ламе в Утай-шань и к северному изгибу Желтой реки». Однако обе «задуманные поездки» предписывались инструкцией Генерального Штаба. Первая предпринималась для «выяснения роли Далай-ламы в движении областей или местных племен к самостоятельности», а вторая — для «ознакомления с китайской колонизацией в полосе среднего течения Желтой реки». И 8 июня 1908 года, несмотря на неудовольствие китайских властей, Маннергейм со спутниками все же выступил на север, предварительно отправив из

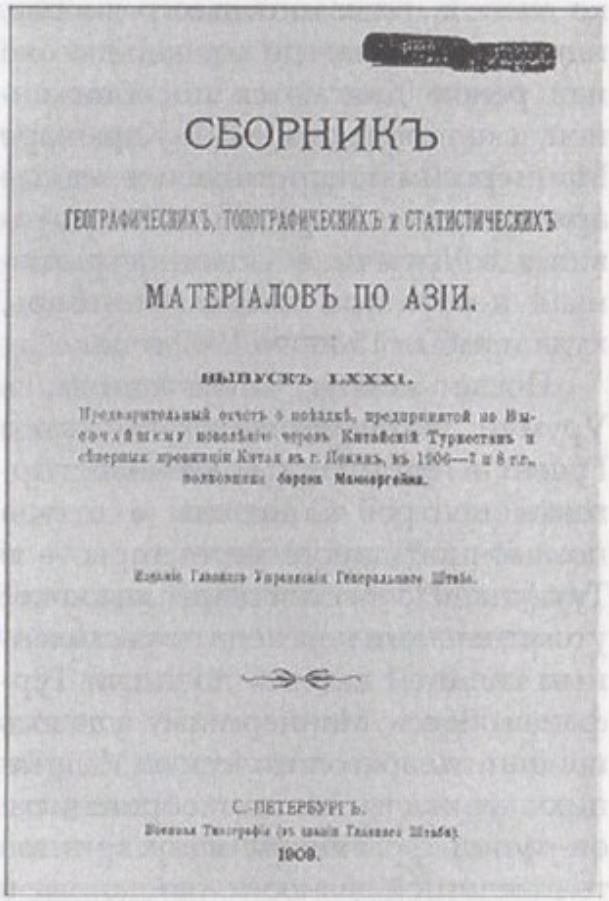
Тайюаня по железной дороге в Пекин ослабевшего казака Луканина.

«После двух переходов... мы дошли до святыни монголов, знаменитого буддийского монастыря Утай-Шань. Живописно расположенная на небольшом холме, окруженном горами, группа кумирен, золоченых каланчей и белых «субурган» — башен, представляла чудную картину со своими золотисто-желтыми и бирюзовыми черепичными крышами, которые сверкали на солнце среди окружающей зелени».

В то время в монастыре находился Далай-лама 13-й, вынужденный покинуть священную для буддистов Лхасу из-за военных действий англичан в Тибете. Маннергейм встретился с Далай-ламой, как он сам пишет, во время «особой для меня назначенной аудиенции», которая состоялась безо всяких промедлений, благодаря исключительному расположению Далай-ламы к России.

«Во время моего приема он сидел на золоченом кресле, поставленном на возвышении из досок против окна в конце небольшой приемной комнатки. По обеим сторонам этого возвышения стояли два широкоплечих тибетца средних лет с угрюмыми лицами темно-бронзового цвета.

Далай-лама с видимым интересом расспрашивал о Государе Императоре, России, нынешней силе армии и т.д. По его указанию, почти сейчас после ответа на мой поклон, был доставлен ему кусок белой шелковой материи, т.н. «хатан», который он торжественно, собственноручно передал мне с просьбой от его имени по приезде моем в Санкт-Петербург представить Государю Императору».



СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗІИ.

ВЫПУСКЪ LXXXI.

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ, предпринятой по Высочайшему повелѣнію черезъ Китайскій Туркестанъ и сѣверныя провинціи Китая въ г. Пекинъ, въ 1906—7 и 8 гг., полковникомъ бар. Маннергеймъ.

Изданіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типография (въ зданіи Главнаго Штаба).
1909.

12 июля 1908 года Маннергейм достиг, наконец, Пекина — «с рыжим Филиппом, юным переводчиком Чжао и славным китайцем-поваром из Ланьчжоу, жаждавшим повидать Пекин». Он был радушно принят в Российской дипломатической миссии, поселившись в которой, в течение шести недель занимался подготовкой отчета. «Внутри ограды миссии» Маннергейм нашел то, «чего недоставало почти за все время продолжительного путешествия — приятных собеседников». Среди них он особую признательность выражал русскому военному агенту в Пекине, давшему ценные советы по редакции отчета. Этим военным агентом был полковник Лавр Георгиевич Корнилов — будущий командующий Добровольческой армией во время гражданской войны в России...

«Выехав из Пекина во Владивосток через Японию, где я провел 8 дней, я вернулся по железной дороге в Санкт-Петербург, куда прибыл 25 сентября (1908) после 27 месячного путешествия», — так заканчивает отчет полковник Маннергейм.

Каковы же оказались результаты 27-месячной экспедиции? Маннергейм нанес на карту 3087 км пути («в смысле изучения условий для движения наших кавалерийских отрядов», — как гласила инструкция Генерального Штаба). А вот как Маннергейм говорит об условиях, в каких приходилось это делать.

«Я наносил свою дорогу при помощи обыкновенной карманной буссоли, пользуясь для этого разграфленной записной книжкой, которая удобнее планшета для маршрутной съемки верхом и имеет то преимущество, что менее обращает на себя внимание».

К тому же им было составлено военно-географическое описание пути Кашгар — Уч-Турфан, исследована река Таушкан-Дарья от ее выхода из гор до впадения в Оркенд-Дарью («в смысле оборонительной линии»). Он составил планы двадцати китайских гарнизонных городов и дал обширное описание города Ланьчжоу («разведка подготовки Ланьчжоу в смысле военной базы»). Полковник Маннергейм все задания Генерального Штаба выполнил. А как путешественник образованный, пунктуальный, с широким кругом научных интересов, Маннергейм собрал множество материалов научного характера, составил фонетический словарь языков народностей, проживающих в северных провинциях Китая. Будучи любителем в вопросах науки, сам он недооценивал собранные им коллекции. Однако со временем их объективная ценность становилась все более очевидной. В 1937 году, когда на английском языке был издан полный текст дневника путешествия, весь 2-й том этого издания составили статьи ученых разных стран, написанные на основе собранных Маннергеймом коллекций. Лишь недавно началось изучение около двух тысяч фрагментов древних китайских манускриптов, найденных в песках Турфана и привезенных Маннергеймом. Остается неопубликованным редкое собрание китайских зарисовок из Ланьчжоу, содержащее 420 персонажей разных религий.

И еще Маннергейм сделал в экспедиции более 1,5 тысячи снимков. Фотография не была, в отличие от охоты и верховой езды, его страстью. Тем не менее он показал себя прекрасным фотографом. Публикуемые нами впервые в российской печати его фотографии подтверждают это.

Итак, пантеон выдающихся российских путешественников, многие из которых были иностранцами по происхождению и истинными россиянами по жизни, должен, наконец, пополниться именем Карла Маннергейма, совершившего для России беспримерное двухлетнее путешествие. И не его вина, что до сих пор это путешествие, оцененное всем миром, остается у нас практически неизвестным. Несомненно, время всему дает справедливую оценку.

Михаил Лёвин

От редакции

Фотографии, публикуемые нами, взяты из альбома «Фотографии К.Г.Маннергейма из его путешествия по Азии 1906 – 1908», изданного в 1990 г. финским издательством «Отава».

ШВЕДСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ

Густав Маннергейм: слева – кадет Финляндского кадетского корпуса, 1885 г.; справа – выпускник лицея Гельсингфорса, 1887 г.

Несмотря на крайне сложные и запутанные (а весьма часто и просто враждебные) взаимоотношения, существовавшие между Российской Империей и Шведским Королевством, русские императоры охотно принимали шведов на государственную и военную службу. Эта традиция была характерна и для 17-18 веков, и для более позднего времени. Наиболее массовый "вброс" шведской аристократии в русскую армию произошел в начале 19 века, когда в результате русско-шведской войны 1808-1809 гг. к России отошла Финляндия, бывшая ранее частью Шведского Королевства. Община финляндских шведов продолжала доминировать в стране и после присоединения к России в управлении теперь уже Великим Княжеством Финляндским. Двести пятьдесят "лучших семейств" шведской аристократии перешли на русскую службу. Почему русские императоры так охотно принимали шведов и немцев на военную службу? Современный историк Русской Императорской Армии С.В. Волков так характеризует представителей шведских и немецких семей: "Они отличались высокой дисциплиной, сравнительно редко выходили на протяжении службы в отставку, держались достаточно сплоченно, к тому же многие из них имели высшее военное образование". Бывшие потомки членов рыцарских орденов были настоящими профессионалами, глубоко впитавшими в себя дух многих поколений средневековых воинов Христовых.

Еще один современный историк Русской Императорской Армии Г.С. Чувардин указывает на то, что протестантская часть шведско-немецкого элемента в русской армии «отличалась высокой нравственностью, поэтому связанных с их именами скандалов, особенно на почве "женского вопроса", практически не наблюдается». Немцы и шведы отличались от остальных офицеров так называемым "остзейским типом": сдержанностью, воспитанностью, холодностью, переходившей, порой, в чопорность, умением вести светскую беседу и в то же время "держать дистанцию". При этом следует заметить, что вопреки распространенному в советской историографии мнению о "баронах-эксплуататорах", якобы "безсовестно наживавшихся на страданиях прибалтийских и русских крестьян", большинство шведско-

немецких аристократов находились, несмотря на все свои пышные титулы, как правило, в весьма стесненных материальных обстоятельствах.

Шведы и немцы занимали места не желавших служить русских дворян, активно использовавших привилегии, дарованные им в соответствии с первым пунктом "Манифеста о вольности дворянству" (1762 г.): согласно данному пункту, дворяне по своему желанию могли устраняться от государственной службы или вообще покидать пределы России (пункт 4). Дореволюционный русский историк А.Е. Пресняков так оценивал роль и место балтийских дворян в государственной системе Российской Империи: "Среда шведско-немецкого дворянства – с ее архаическими и монархическими традициями – стала особенно близкой Царской Семье в период колебаний всего политического европейского мира".

Царская династия являлась для "русских" шведов и немцев прямым олицетворением собственных моральных и нравственных идеалов. В сознании "русских" шведов и немцев продолжали существовать связанные со средневековой традицией понятия "рыцарской чести" и вассальной преданности своему сюзерену. "Русско-шведские" офицеры были настоящие профессионалами своего дела, глубоко впитавшими в себя дух средневекового рыцарства: "служили они преимущественно в войске, потому что к нему чувствовали тяготение, будучи потомками рыцарских родов".

Многие представители немецко-шведского дворянства вступали в смешанные браки, принимали православие и, постепенно, окончательно «обрусевали». Среди выходцев из шведской среды, сделавших карьеру на царской службе, было немало генералов, адмиралов, губернаторов. В 1913 году на службе в Русской Императорской Армии числилось 1543 генерала. Из них шведско-немецкие фамилии носили 270 человек. Интересно, что среди генералов шведско-немецкого происхождения православных было даже больше, чем протестантов: 154 и 113 человек соответственно. Среди исповедовавших православие были такие «откровенные по своему происхождению» немцы и шведы, как барон П.Н. Врангель (фамилия датского происхождения, XII век), генерал, будущий Главнокомандующий Русской Армией в 1920 году; герцог Г.Н. Лейхтенбергский, ставший в эмиграции одним из руководителей монархического движения; граф А.П. Беннигсен, командир Сводно-кирасирского полка в Добровольческой армии; министр двора граф С.К. Фредерикс; командир Семеновского полка полковник Г.А. Мин, подавивший со своим полком бунт московской черни в декабре 1905 года, а позже погибший от рук террористов и многие другие. Переход в православие являлся одним из признаков сплочения, консолидации офицерского корпуса. Впрочем, и невзирая на вероисповедание, подавляющее большинство офицеров ощущало себя русскими «по присяге и долгу».

К русско-шведским дворянским фамилиям принадлежали многие видные (и, надо сказать, едва ли не лучшие) военные деятели Бело-

го Движения: генералы граф Ф.А. Келлер ("первая шашка русской армии"), В.О. Каппель, А.О. Гриппенберг и др. При значительном идейном разброде обнаружившимся в среде русского белого офицерства, "шведы" (будем их так условно называть: многие из них по-настоящему обрусели, исповедывали Православие, говорили в своих семьях по-русски) демонстрировали последовательный монархизм и верность Императору Николаю II. Так, граф Федор Артурович Келлер был единственным корпусным командиром Русской Императорской Армии, отказавшимся принять присягу Временному правительству и давшему согласие возглавить формировавшуюся в 1918 г. во Пскове монархическую Северную Армию.

Генерал-адъютант барон Карл-Густав Маннергейм сразу после отречения Императора Николая II, обратился к главнокомандующему армиями Южного (Румынского) фронта генералу В.В. Сахарову с предложением " возглавить сопротивление". "Однако, – как писал в своих воспоминаниях барон Маннергейм, – Сахаров считал, что время для таких действий еще не настало". До своего возвращения в Финляндию, находясь среди офицеров действующей армии (т.е. среди людей, которые в силу данной присяги и своего профессионального положения ***должны были*** бы принимать хоть какие-то меры по восстановлению законной власти), Маннергейм неоднократно возвращался к вопросу "об организации сопротивления диктатуре меньшинства", но, пишет он, "мне пришлось осознать, что ни они (*офицеры русской армии – А.Ж.*), ни общество в целом не считали необходимым приступить к каким-либо действиям". Сам барон Маннергейм, по свидетельству его бывшего адъютанта Сергея де Витта, сумел уклониться от присяги Временному правительству. 19 марта 1917 года он пишет своей сестре Софии: "Здесь нужно приносить присягу, что похоже, возмущает часть офицеров и солдат. На самом деле весьма непоследовательно, что правительство, получившее власть, когда гарнизон Петрограда нарушил свою присягу, требует теперь новой, не говоря уже о том, что приходится приносить присягу временному правительству, которое сегодня у власти, но которое те же рабочие и солдаты завтра смахнут прочь".

Многие офицеры шведского происхождения, связанные родовыми корнями с Великим Княжеством Финляндским, не желавшие служить незаконному Временному правительству, по мере нарастания революционного хаоса оставляли действующую армию и возвращались на родину, в Финляндию. В основном это были офицеры хорошо знакомые между собой по службе в Императорской гвардии. Назовем, прежде всего, вышеупомянутого барона К.-Г. Маннергейма, командира доблестной 12-й кавалерийской дивизии, генерал-майора Э.Л. Левстрема, начальника Гвардейской Стрелковой дивизии, генерал-майора Генерального штаба О.К. Энкеля, полковника А.А. Тунцельман фон Адлерфлуга, начштаба 135-й пехотной дивизии. Позже эти генералы заняли командные должности в

армии т.н. "белофиннов" во время финской гражданской войны.

Вскоре после захвата власти большевиками правительство Финляндии объявило, что "анархия в России обязывает финский народ освободиться навсегда от всякой зависимости от России". 17 декабря 1917 г. была провозглашена независимость Финляндии. Еще до начала нового, 1918 г. представители финского правительства посетили Петроград и получили подтверждение своей Декларации независимости у Председателя СНК В.И. Ульянова (Бланка). Но русская анархия тех дней ворвалась кровавым образом в жизнь самой Финляндии, и гражданская война охватила всю страну. Как и Россия, Финляндия разделилась на два непримиримых лагеря – белых и красных. Как и в России, обе стороны вели гражданскую войну с невиданным ожесточением – борьба была безпощадной. Гражданская (*в терминологии финляндских "белых" – "Освободительная" – А.Ж.*) война оставила неизгладимый след в памяти финского народа – ее (в отличие от России) не забывают до сих пор. Позже историки даже ввели в оборот выражение – "Финская травма 1918 г".

Во главе белых войск встал барон К.-Г. Маннергейм. В марте 1918 г., почти одновременно со своим наступлением вглубь Украины, германские войска высадились и в Финляндии. Командовал германскими частями генерал фон дер Гольц (впоследствии действовавший в Прибалтике). Немцам, совместно с войсками финских белогвардейцев (именно в Финляндии противостоявшие красным войска стали впервые именоваться "Белой Гвардией") под командованием Маннергейма, удалось разгромить красную гвардию и ликвидировать очаги советской заразы на территории Финляндии. Решающую роль в разгроме красных сыграли "русские шведы". Вообще разделение по национальному признаку было в финской Освободительной (Гражданской) войне достаточно четким: в красногвардейцы шли преимущественно низы общества, говорившие исключительно по-фински. Белое же движение, как отмечалось выше, возглавляли представители "лучших семейств" – старой шведско-финской аристократии, занимавшие высокие посты в Императорской России, природным финнам не вполне доверявшие и уж вовсе не воспринимавшие стремительно нарождавшийся финский национализм. 16 мая 1918 г. в Хельсинки прошел торжественный смотр германских и белофинских войск. "Освободительная" (Гражданская) война была завершена, но чувство тревоги оставалось.

Революционный Петроград в то же время становится центром притяжения для "красных" финнов. Финских беженцев размещали по всему городу – от Выборгской части до Павловских казарм на Марсовом поле. 1 мая 1918 г. финны приняли массовое участие в праздновании "Дня международной солидарности трудящихся", весьма напугав петербургских обывателей. Маннергейм, как опытный военный, не мог исключить возобновления гражданской войны, но уже при гораздо более эффективной поддержке финских "красных" классово-близкой Советской Россией.

Именно в среде шведско-финской аристократии, ранее состоявшей на службе Российской Империи, возникли вначале т.н. «Петербургский проект», связанный, прежде всего, с именем барона Маннергейма, а позже, как своеобразное развитие идей и положений «Петербургского проекта», движение «Новых варягов».

Сам К.-Г. Маннергейм, никогда не забывавший подчеркнуть, что он был генерал-лейтенантом Русской Императорской Армии и прослужил в ней без малого сорок лет, не мог быть финским националистом в узком смысле этого слова. Он прекрасно понимал, что благополучие и само существование молодого государства – Финляндии, напрямую зависит от положения дел в России, от того, какие силы стоят в ней у власти. После окончания Освободительной войны среди финских правительственных кругов возникает идея изолироваться от восточного соседа. В печати распространялись суждения, что «Освободительная война была для Финляндии последним кровавым поцелуем России». «Это было свидетельством не только незнания истории России, но и пугающей неспособности видеть действительные цели и методы большевизма», – писал Маннергейм. Следует отметить, что немногие политические деятели послевоенной Европы в полной мере осознавали ту реальную угрозу, которую несла в себе идеология большевизма. Среди истеблишмента держав-победительниц Первой Міровой войны подчеркнуто антибольшевистски были настроены военный министр Великобритании У. Черчилль и маршал Франции Ф. Фош. Маннергейм считал, что Финляндия не имела причин оставаться в стороне от борьбы против российских большевиков. Участие Финляндии в военных действиях против "Советов" должно было, по его мнению, ограничиться захватом Петрограда и поддержкой «твердого и здравомыслящего русского правительства». В частном письме княгине Марии Любомирской он писал: "Невозможно заставить ее (*т.е. Россию – А.Ж.*) исчезнуть и заменить на карте большим белым пятном, а в этих обстоятельствах лучше рыцарским жестом, как, например, освобождением Петербурга, создать положительную исходную ситуацию для будущих отношений. Поэтому я опечален, когда вижу, как моя страна проявляет неловкость в то время, когда армии генерала Юденича угрожает разгром у ворот Петербурга, не пользуется моментом, чтобы помочь ему".

28 октября 1919 г. Маннергейм отправил весьма обстоятельную телеграмму президенту Финляндии Стольбергу, в которой заявил, что Финляндии необходимо принять участие в деле воссоздания России. В телеграмме, в частности, говорилось: «...судьба Петрограда находится в руках Финляндии. Освобождение Петрограда – не чисто финско-русский вопрос, это всемірный вопрос окончательного мира. ...Если белые войска, сражающиеся сейчас под Петроградом, будут разбиты, то в этом окажемся виноватыми мы. Уже сейчас раздаются голоса, что Финляндия избежала вторжения большевиков только за счет того, что русские белые армии ведут бои далеко на юге и на вос-

токе… Заключение мира с большевиками поставит нас в один ряд с ними…и не даст ничего, кроме ложных надежд на будущее.

…Сможем ли мы, считающие себя свободным народом, внести свой вклад в достижение мира в Европе? …Те решения, которые будут приняты в настоящее время, покажут, сможет ли будущий мір обвинить наш героический народ в том, что он трусливо отказался от обязанности, которой требуют интересы всего человечества и забота о его собственном благе».

По мнению современного финского историка В. Мери, заветной мечтой К.-Г. Маннергейма была отнюдь не независимость Финляндии, а именно изложенный в телеграмме Стольбергу "петербургский проект". После очищения Петрограда от большевиков силами белых русских и финляндских частей должно было последовать возвращение трона законной царской династии. После этого шведской аристократии во главе с Маннергеймом оставалось только расположиться на верхних ступеньках, близь самого трона, чтобы вести счастливую жизнь под скипетром российских императоров, обязанных им своим чудесным спасением.

Сам барон Маннергейм указывал, что его обращение к президенту Стольбергу не нашло понимания в общественных кругах. Финляндское правительство, после долгих и безплодных переговоров, не оказало фактически никакой помощи армии генерала Юденича, стоявшей уже в пригородах Петрограда. …Ровно двадцать лет спустя, в ноябре 1939 г., уже самой Финляндии с огромными потерями пришлось отражать полномасштабную советскую агрессию, а финский обыватель мог сполна познакомиться с нравами большевицких войск, по злой иронии именовавших себя «освободителями». Окончательное установление мира с Советским Союзом в 1944 г. «ознаменовалось» отторжением значительной части финских территорий. Такова была вполне закономерная расплата за националистические амбиции финнов в 1918-1919 гг. и за близорукое решение отказаться от поддержки Белого движения внутри России. Говоря о националистических амбициях финляндцев в 1918-1919 гг., следует, к сожалению, отметить, что подобным, ***узко понятым*** национализмом отличались и многие признанные вожди Белого Движения (например, А.И. Деникин, А.В. Колчак). Этот узко понятый национализм выражался, в том числе, и в недоверии, которое испытывали белые генералы к представителям как германской армии, так и новых национальных государств – главным образом, к Польше и Финляндии. Прибывший в начале января 1919 г. в Хельсинки генерал Юденич телеграфировал Колчаку в Омск, рекомендуя организовать базу в Финляндии, откуда легко можно было поддерживать связь с антикоммунистическим подпольем в Петрограде и Москве. В распоряжении Юденича было около 3000 человек, ожидалось прибытие из Германии 30 000 русских военнопленных. Ряд крупных финляндских промышленников (в основном, по национальности шведов) обещали финансовую помощь. Рекомендовал

признать независимость Финляндии и русский посол в Лондоне Набоков, подчеркивая, что "независимость Финляндии – совершившийся факт и страны-союзники ее признают в любом случае". Однако, министр иностранных дел Омского правительства Сазонов отвечал: "...никто не может осмелиться признать независимость Финляндии – это право принадлежит единственно русской Думе". 23 июня 1919 г. адмирал А.В. Колчак обратился к Маннергейму с просьбой начать активные военные действия против большевиков, одновременно телеграфируя Юденичу, что в ответ на помощь нельзя обещать финнам никаких политических выгод. В ответной телеграмме, отправленной Маннергеймом Колчаку говорилось: "Народу и правительству Финляндии отнюдь не чужда мысль, что финские регулярные войска примут участие в освобождении Петербурга. Но не буду скрывать от Вас, Господин Адмирал, что, по мнению моего правительства, парламент не одобрит попытки, которая, хотя бы и принесла нам пользу, но потребовала бы больших жертв, если мы не получим гарантий того, что новая Россия, на благо которой мы действовали бы, согласится на известные условия, выполнение которых мы считаем...гарантией нашего существования как национального государства". Колчак приказал не соглашаться ни на какие условия Финляндии. Единственным высшим офицеров Белого Движения, поддержавшим позицию барона Маннергейма, был генерал Е.К. Миллер, Главный начальник Северного края и Главнокомандующий Северным фронтом, будущий руководитель РОВС. Вторая попытка Юденича убедить Омское правительство (в частности, того же Сазонова) признать независимость Финляндии была предпринята осенью 1919 г., когда войска Северо-Западной армии уже стояли под Царским Селом и отчаянно нуждались в помощи Финляндии, так же провалилась. Спустя считанные недели войска Юденича потерпели поражение, рухнул также и Восточный фронт белых. Той же, трагической для всех Белых армий, осенью 1919 г., из-за неумения и нежелания мыслить широко, ***европейски***, был сорван стратегически необходимый Белому Движению союз с Польской армией. В результате, сначала красными были разгромлены Белые войска на юге России, а в августе 1920 г. поляки останавливали красных уже под Варшавой… Такие же пагубные последствия принесли и не оправдавшиеся надежды на союз с представителями Антанты (Англии и Франции), которые могли бы стать третейскими судьями в спорных вопросах, а вместо этого привели Белое Движение к развалу. «Они (*англичане и французы – А.Ж.*) даже не пытались сгладить возникшие между различными силами разногласия. Если бы шаги в этом направлении были сделаны вовремя, то совершенно очевидно, что власть большевиков не удержалась бы», – пишет барон Маннергейм. – «Основная вина за поражение русских белых сил лежит на генерале Деникине и его советниках. Но в большой степени ответственность за крах белых несут и правительства Антанты». (*См. подробнее: Маннергейм К.Г.*

«Мемуары». Сс. 179-181). Исходя из вышесказанного, отнюдь не случайными представляются антигерманские и, соответственно, просоветские настроения, владевшие генералом А.И. Деникиным во время германо-советской («Второй гражданской») войны 1941-1945 гг. Безусловно, тема межнациональных и межгосударственных отношений, связанная с ситуацией внутри и около Белого Движения, чрезвычайно сложна, многогранна и требует специального рассмотрения. Крайне интересным представляется нам и мнение еще одного видного участника Белого Движения , светлейшего князя А.П. Ливена, высказанное в частном письме к барону Маннергейму в 1931 г.: "...совершенно с тобою согласен, что одним из главных виновников неудач был Сазонов, который не мог сдвинуть своих мозгов с одной единственной точки "единой и неделимой". При такой катастрофе, как та, которая постигла Российскую Империю в 1917-1919 гг, уже нечего было мечтать о воссоздании всего, разрушенного революцией, а надо было стараться достичь одной ближайшей цели – изгнания большевиков из Кремля. Тут надо было иметь решимость принести жертвы..., надо было признать безоговорочно независимость тех национальных государств, которые образовались не столько в виде отпадения от России, как в виде протеста к большевицкой Росссии... Надо было заручиться поддержкой и симпатией этих народов, принять их помощь, активную или нейтральную, и идти на восток , имея в тылу верных союзников. Этого не поняли ни Сазонов, ни Юденич, ни адмирал Колчак. Гипноз "великой и неделимой" привел к гибели Белого дела. Я, однако, остался оптимистом и верю в конечную победу правого дела над безбожничеством, ибо большевизм есть прежде всего движение ***антирелигиозное, антиморальное, антиэтическое***."

Даже после поражения Северо-Западной армии генерала Юденича барон Маннергейм продолжает строить планы совместного похода русских и финских белых против коммунистической России. Однако финляндское правительство не имело никакого желания вступать в открытую ссору со своим восточным соседом. Непримиримое отношение Маннергейма к большевикам не было тайной и для вождей РСФСР. Советские спецслужбы развернули на барона настоящую охоту, но ни одна из попыток покушения, к счастью, не удалась. В марте 1920 г. группа чекистов-террористов прибыла в Финляндию. Акция была спланирована самым тщательнейшим образом: выбрали удачное место, предусмотрели подстраховку, пути отхода... Но в последнюю минуту исполнитель Сало оробел. Руководитель группы Саша Векман пообещал пристрелить Сало на месте, если он в следующий раз "не исполнит своего революционного долга". В результате Сало бежал с конспиративной квартиры, бросил свое оружие и скрылся. Резидент особого отдела ВЧК в Финляндии писал 20 апреля 1920 г. в своем отчете в Москву: "...Пока что не предвидится никаких активных действий против Советской России. Генерал Маннергейм – душа антибольшевистского блока; это ясно по

странному посещению его всеми реакционными элементами России... В Таммерфорсе (ныне Тампере – А.Ж.) было подготовлено покушение на бывшего главнокомандующего Маннергейма, коммунист с ручной бомбой подошел на 10 шагов к генералу, но бомбу не бросил, потерял самообладание... Правая рука генерала – генерал Ветцель, считается сторонником захвата Петрограда, и в этом направлении ведется работа..."

К середине 1920-х годов в Европе происходит резкое обновление политической, интеллектуальной и культурной элит. Практически во всех европейских странах в общественную жизнь включаются новые духовные лидеры – относительно молодые люди, чья юность была отмечена Міровой войной, различными революциями и переворотами. Кардинально изменяется правые составляющие политического и культурного спектров: везде возникают и развиваются новые идеи, новые движения, новые проекты. В Германии – национал-социализм, А. Гитлер, О. Штрассер, Э. Юнгер, М. Хайдеггер... В Италии – фашизм, Б. Муссолини, Ю. Эвола... В Испании – Х.А. Примо де Ривера, Х. Ортега и Гассет... Во Франции – П. Дрие ла Рошель... В Румынии – К. Кодряну... В Великобритании – У. Джойс и О. Мосли... В русской эмиграции – К. Родзаевский, А. Вонсяцкий, М. Спасовский-Гротт... В подъяремной коммунистической России свои лучшие произведения создает о. П. Флоренский... Из разрухи, крови и грязи, из "великих потрясений" рождается поистине "Новая Европа", Европа "черного (правого) Интернационала", Европа, возвращающаяся к своей великой Традиции. Это был самый мощный интеллектуальный всплеск в европейской истории XX века.

Финляндия, несмотря на свою определенную "провинциальность" следовала общей тенденции, наметившейся в европейской общественно-политической жизни. В начале 1920-х годов, в той же среде шведской аристократии, выходцем из которой был и барон Маннергейм, возникает движение т.н. "новых варягов". Во главе этой группировки стояли люди новой формации: представитель древнего шведского аристократического рода Б. Гриппенберг (одним из его предков был генерал от инфантерии О.-Ф.К. Гриппенберг, командир лейб-гвардии Московского полка, командующий 2-й Манчжурской армией в русско-японской войне 1904-1905 гг.), родившийся в Санкт-Петербурге, участник Освободительной (Гражданской) войны 1918 г., и его еще более молодой соратник, один из духовных лидеров следующего поколения, писатель Э. Тигерстедт.

Само название движения – "новые (вторые) варяги" – было заимствовано из сочинений финляндского романиста шведского происхождения Я. Аренберга. Примечательно, что название группировки писалось как "varjager" и соотносилось, таким образом, именно с русской историей и русским языком, поскольку в шведском литературном языке "варяги" называются "викингами", "vikingar". Таким образом, речь шла о восстановлении влияния на русские дела группы шведских аристократов, при-

шедших на славянские земли еще в YIII-IX веках и основавших правящую династию Рюриковичей.

Писавший о "новых варягах" Я. Аренберг имел в виду представителей тех самых 250 шведских аристократических семей, верно служивших Российской Империи и сделавших в ней блестящую карьеру. Корни "новых варягов" уходили в российское имперское прошлое, бывшее для них "золотым веком"; уходили в "блистательный Санкт-Петербург", где многие из них родились, учились в кадетских корпусах и юнкерских училищах, служили в полках Императорской Гвардии.

Русская революция 1917 г. не только дала Финляндии независимость – она лишила опоры старую шведскую аристократию, оставив ее наедине с численно доминировавшим финским народом. На первом этапе независимости шведское дворянство взяло в свои руки управление государством и сыграло решающую роль в победе над большевицкой заразой и финской чернью. Но у многих шведов оставалась ностальгия по великой эпохе Императорской России, по ее блеску и великолепию, по той эпохе, которую сами "новые варяги" именовали "Большим Временем". Именно так – "Большое время" – назовет Б. Гриппенберг свой сборник стихов, посвященный "золотому петербургскому веку", который выйдет в Хельсинки (Гельсинфорсе -швед.) уже в 1928 году...

Однако, как отмечалось выше, "петербургскому проекту" барона К.-Г. Маннергейма, включавшему в себя восстановление монархии в России, к сожалению, не суждено было воплотиться в жизнь. Причин тому можно найти много: от нерешительности самого барона Маннергейма, желавшего действовать исключительно легитимно – т.е. получить на осуществление данного проекта сначала санкции финского сейма, а затем президента Стольберга (1), до крайне эгоистичного поведения финской национальной буржуазии, настоявшей под давлением "левых" на подписании Дерптского мирного договора с Советской Россией в 1920 г. "Новые варяги" отнеслись к советско-финскому переговорам 1920 г. крайне отрицательно. В частности, Б. Гриппенберг писал о "грязных танцах с большевиками", которые ведет финское правительство. Этим "грязным танцам" Б. Гриппенберг посвятил стихотворение "Танцы в Дерпте".

Осенью 1929 г. в Финляндии начинает набирать силу "лапуаское движение", бывшее, по своей сути, выражением крайне правого финского национализма. (Современная историография определяет это движение как фашистское). Главным пунктом программы "движения Лапуа" стояло полное искоренение коммунизма в Финляндии. Лапуасцы похищали своих идейных противников – коммунистов, социал-демократов, журналистов из левых изданий, "друзей СССР", различных сильно развитых творческих личностей – "авангардистов-абстракционистов", подрывавших своей мазней национальное самосознание народа. Похищенных не убивали – их просто вывозили к советской границе и загоняли с помощью пинков и зуботычин в страну "победившего пролетариата". Лапуасцы попытались "отправить в эмиг-

рацию" и давнего оппонента барона Маннергейма – бывшего президента Финляндии, умеренного либерала Стольберга. Правда, со Стольбергом подобный номер не прошел – за него вступилось правительство, ряд видных политиков. Номенклатура, однако. На первом этапе так называемого "лапуаского лета" шведская аристократия (в том числе и "новые варяги") поддержала движение и даже заняла в нем ряд руководящих постов. К движению присоединились многие соратники Маннергейма по Освободительной войне – бывший начальник Генштаба К. Валлениус, Р. Вальден, Х. Игнатиус. Своего рода кульминацией лапуаского движения стал двенадцатитысчный "Марш на Хельсинки", организованный 7 июля 1930 года по образцу марша Муссолини на Рим в 1922 г. Сам барон Маннергейм, формально не входивший в движение, счел нужным поддержать его, заявив 30 сентября 1930 г.: "Я надеюсь, что каждый, помнящий 1918 год, поддержит те безкорыстные патриотические устремления, которые под воздействием движения Лапуа смогли повлиять на нашу общественную жизнь". Действительно, под влиянием лапуасцев быть "красным" и просто "левым" в Финляндии 1930-х гг. стало немодным. Коммунистические кандидаты вообще перестали попадать в состав Сейма и были объявлены "явлением международной преступности". Сильно сократилось присутствие в Сейме и традиционно сильных в Финляндии социал-демократов. Заслуги Лапуа в борьбе с коммунистической угрозой и советскими "агентами влияния" трудно переоценить.

Однако уже к началу 1932 г. наступило разочарование: "лапуаское движение" все больше уклонялось в сторону крайнего чисто-финского национализма и "новые варяги" постепенно дистанцировались от него. Э. Тигерстедт даже заявлял о "варяжском конфузе". Также чуждым "варягам" оказался и умеренно-консервативный, республиканский лагерь, закрепивший за собой государственную власть. В нем достаточно широко были представлены политики шведского происхождения, но то были люди совсем иной породы, нежели Тигерстедт и Гриппенберг сотоварищи: предприниматели, банкиры, интеллигенция, словом, выходцы из "третьего сословия", не имевшие ничего общего с представителями старой шведской аристократии. (2).

К середине 1930-х гг. относится и определенная смена приоритетов, своего рода "смена вех", происшедшая в идейных установках "новых варягов". На смену "петербургскому проекту" приходит "берлинская ориентация". Берлин отныне рассматривается "новыми варягами" как центр будущей новой, традиционалистской Европы, центр грядущего "нового порядка" (Neuordnung). Что касается Петербурга – Ленинграда, то он в идеологических построениях "новых варягов" отныне предстает как ***пустое место***, центр демонической черной энергетики ("колыбель міровой революции" – так именовали Ленинград коммунисты все без малого 80 лет своего правления), метафизический оплот вселенских сил зла.

"Как паук в паутине сидит Ленинград… Он из горя и тлена сплел свою сеть

/ и покрыл ей леса и поля – / этот град порождает опасность и смерть / это – зла и несчастья земля", – писал Б. Гриппенберг в своей стихотворной балладе, посвященной Ленинграду. (3).

С середины 1920-х гг. К.-Г. Маннергейм налаживает контакты с т.н. "Лигой Обера" (Международная лига борьбы с Ш Интернационалом или Антикоммунистическая Лига). Эта организация, основанная швейцарским гражданином Т. Обером в 1924 г. занималась привлечением русских эмигрантов к антибольшевицкой деятельности, а также представляла интересы белой эмиграции перед международной общественностью, в том числе и в различных судебных процессах. Барон Маннергейм дал свое согласие на вступление в Лигу и исходя из контекста переписки с Т. Обером оказывал Лиге финансовую помощь. Известно о контактах Маннергейма с представителями Братства Русской Правды (БРП) – боевой антикоммунистической организации, действовавшей на территории СССР вплоть до середины 1930-х гг. Правда, информация о сотрудничестве Маннергейма и БРП чрезвычайно отрывочна и скудна: это объясняется чрезвычайной осторожностью Маннергейма в контактах с антисоветскими организациями. Причины такой конспиративности вполне понятны – слишком близко находится Советская Россия, и в Хельсинки хватает глаз, тщательно отслеживающих любые действия барона.

Вскоре после начала советско-финской войны 1939-1940 гг. Маннергейм соглашается с предложением русских белоэмигрантских организаций о формировании из пленных красноармейцев-добровольцев Русской Народной Армии. Идея создания подобной армии принадлежала Борису Бажанову, бывшему секретарю Сталина, бежавшему из СССР в 1927 году. Бажанов предполагал набрать из пленных красноармейцев активных антикоммунистов, сформировать боевой отряд и "попытаться докатить "снежный ком" до Москвы: начав с тысячи человек дойти до Москвы с 50 дивизиями". Конечно, бажановская идея очень сильно отдавала утопизмом, тем не менее, его поддержали основные эмигрантские организации (Русский Обще-Воинский Союз, Высший Монархический Совет и т д.) Маннергейм, ставший к тому времени маршалом и руководивший обороной страны, предложил Бажанову приехать в Финляндию.

15 февраля 1940 г. Бажанов и Маннергейм встретились на Главной квартире маршала в Сен-Микеле. Много позже Бажанов вспоминал: "Из всех политиков, которых я видел в жизни, маршал Маннергейм произвел на меня едва ли не самое лучшее впечатление. Это был настоящий человек, гигант, державший на плечах всю Финляндию... Я ожидал встретить военного, не столь уж сильного в политике, но встретил большого человека, честнейшего, чистейшего и способного взять на себя решение любых политических проблем. Я изложил ему суть своего плана. Маннергейм сказал, что есть смысл попробовать: он предоставит мне возможность переговорить с пленными из одного лагеря в 500 человек." Правда, сам маршал выразил сомнение в успехе всей акции: "Если

они пойдут за вами, то организуйте вашу армию. Но я старый военный и сильно сомневаюсь, чтобы люди вырвавшиеся из ада и спасшиеся почти чудом, захотели бы снова, по собственной воле, в этот ад вернуться". Тем не менее, несколько сотен пленных были готовы идти драться с большевиками. В подавляющем большинстве это были простые солдаты. Офицерский состав Бажанов намеревался набрать из числа кадровых военных-членов РОВС. Несмотря на множество проблем, прежде всего психологического свойства: как совместить белых офицеров с советскими солдатами? Как установить взаимный контакт между людьми, принадлежавшими несмотря на общую ненависть к коммунизму к различным культурно-историческим типам? – данную проблему удалось решить. В начале марта 1940 г. первый отряд добровольцев под командованием капитана Киселева выступил на фронт. Второй отряд (командир штабс-капитан Луговой) должен был выйти через два дня. Однако 14 марта 1940 г. между Финляндией и СССР было подписано перемирие. Война закончилась. Заместитель Маннергейма генерал Вальден (швед по национальности) предложил Бажанову немедленно покинуть Финляндию. "Советы знают о вашей акции, и вероятно, поставят условия о вашей выдаче. Выдать вас мы не можем; дать вам возможность остаться в Финляндии – тоже. Советы об этом узнают, обвинят нас во лжи. Не забудьте, мы у них в руках и должны избегать всего, что может ухудшить условия мира..." – "Но мои офицеры и солдаты? Как я могу их оставить?" – "О ваших офицерах не безпокойтесь – они финские граждане, им ничего не грозит. А солдатам, которые захотят вернуться в СССР, мы, конечно помешать не можем, это их право; но те, которые захотят остаться в Финляндии, будут рассматриваться как добровольцы в финской армии, и им будут дарованы все права финских граждан". Так завершилась данная акция, которую можно считать своеобразным "вторым этапом" "Петербургского проекта" К.-Г. Маннергейма.

Что же касается деятельности движения "новых варягов", то в конце тридцатых – начале сороковых годов она сосредотачивается в основном в сфере литературы. Именно в это время выходят сочинения авторов школы "новых варягов", считающихся ныне каноническими. Это, прежде всего, роман Э. Гуммеруса "Сыновья" (1942 г.), в котором автор попытался создать образ идеального героя, "положительно прекрасного человека" – генерала Виктора Саландера, нордического аристократа и белого рыцаря, противостоящего наступлению внешних и внутренних варваров (т.е. советских большевиков и финских коммунистов). Историю реально существовавшего шведского аристократического рода, проживавшего в Выборге, изобразил Э. Тигерстедт в своем романе-хронике "Семья Хакманов" (1940 г.). Роман Тигерстетда был написан в достаточно увлекательной форме и, помимо этого, содержал весьма интересные историософские размышления о роли шведов и немцев в истории России и Финляндии. "Семья Хакманов"

Э. Тигерстедта (к глубокому сожалению до сих пор не переведенная на русский язык), по отзывам как современных ему, так и нынешних критиков, – произведение незаурядное и талантливое. В начале 1940-х гг. роман даже выдвигался в качестве претендента на Нобелевскую премию в области литературы. Сам же Тигерстедт активно сотрудничал с созданным в 1942 г. в Веймаре Союзом европейских писателей, поддерживавшем Германию в ее борьбе с большевизмом.

После заключения сепаратного мира между Финляндией и Советским Союзом осенью 1944 г. принадлежность к "новым варягам" становилась небезопасной. Финские "левые" вышли из подполья и стали контролировать достаточно важные сферы общественной жизни. Пост министра внутренних дел и главы Государственной полиции Финляндии занимал коммунист И. Лейно (зять небезызвестного Куусинена). Лейно организует аресты русских эмигрантов, имевших нансеновскиие паспорта, и белоэмигрантов , имевших гражданство Финляндии. Так, 20 апреля 1945 г. представителям советской Контольной комиссии было выдано 20 бывших подданных Российской Империи. Среди арестованных был и личный знакомый Маннергейма – бывший казначей БРП Кирилл Пушкарев. Задержание русских производила финская полиция, руководимая "кураторами" из МГБ. На следующий день 20 скованных попарно наручниками белоэмигрантов. Из этой "белой двадцатки" в живых осталось 11 человек, которые вернулись в Финляндию в середине 1950-х гг. были доставлены самолетом в Москву – на Лубянку. Один из оставшихся в живых, уроженец Финляндии Борис Бьеркелунд, бывший до революции офицером Русского Императорского флота, а позже примкнувший к "новым варягам", описал свою одиссею по советским тюрьмам и спецлагерям в книге воспоминаний "Путешествие в страну невозможных возможностей". А Советы требовали все новых и новых выдачей. Всего финские власти передали СССР свыше 101 тыс. человек – из них 42 тыс. военнопленных и 58,5 тыс. гражданских лиц. Вопрос о "советизации" Финляндии и присоединении ее к т.н. "странам народной демократии" стоял достаточно остро. В современной финской историографии период с 1944 по 1948 г. именуется как "Годы опасности". Не без оснований опасаясь возможного ареста Э. Тигерстедт переправился на моторной лодке через Ботнический залив в нейтральную Швецию и обратился к властям с просьбой о политическом убежище. Однако в Швеции, где традиционно были сильны позиции социал-демократов весьма дружелюбно настроенных к Советам, он пришелся не ко двору. "Прогрессивная шведская общественность" потребовала высылки Тигерстедта за пределы Швеции. Большинство шведских писателей поддержали это требование. Потребовалось личное вмешательство самого короля, чтобы неугодному финляндскому писателю (по национальности шведу!) Тигерстедту предоставили, по крайней

мере, вид на жительство, который гарантировал бы его от высылки из страны и выдачи Советам.

Через аналогичные злоключения пришлось пройти и многим другим участникам движения. Старшее поколение, еще помнившее времена Российской Империи и ей служившее, отошло вскоре туда, где "несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание" (сам Э. Тигерстедт скончался в 1964 г.), более молодому – пришлось приспосабливаться к новым, подчас весьма неблагоприятным условиям. "Петербургский проект" шведско-финской аристократии связанный, прежде всего, с именем барона Карла-Густава Маннергейма и движением "новых варягов", сам становится частью истории, частью интернационального "Белого Дела". Позиции барона К.-Г. Маннергейма и его соратников в различные исторические периоды были возможно в чем-то ошибочными, непоследовательными. На отдельные ошибки барона обращал внимание, в частности, замечательный русский военный историк Н. Рутыч. Однако главное заключается в том, что на протяжении всей жизни барон Маннергейм оставался верным Белой идее, был по своему нравственному устроению и жизненным ценностям человеком и воином "белого духа" – убежденным противником большевизма-коммунизма в любой его упаковке.

Примечания:

(1). Достаточно подробную характеристику действиям барона Маннергейма в 1919 г. дает замечательный русский военный историк Н. Рутыч в своей книге "Белый фронт генерала Юденича" (М., 2002). Он пишет: "...генерал Маннергейм в судьбоносные...дни 1919 г. проявил осторожность, граничащую с нерешительностью. Он предпочел утвердить 17 июля 1919 г. новую. Конституцию, согласно которой президент избирался выборщиками в парламенте, рассчитывая, что после выборов он в случае победы, может начать войну с развязанными руками. ...Но поддержки влиятельных аграрной и прогрессивной партий *(финских по своему национальному составу – прим. А.Ж.)* Маннергейму получить не удалось. Его поддержала лишь шведская народная коалиционная партия.... Так исчез шанс на проведение безпроигрышной операции по занятию Петрограда, на который рассчитывал генерал Юденич...".

(2). Именно эта "конституционная" (по выражению Э. Тигерстедта) либерально-консервативная группировка создала современную модель финского государства.

(3). Русский перевод Д. Спивака.

Андрей Жуков

IMMER WEIBLICH (ПИСЬМА ИЗ ЛИФЛЯНДИИ)

Закат догорал. По озеру тянулись розовые тени, пурпуром горело далекое окно на берегу, деревья стояли тихие, неподвижные, мягче лился аромат сирени. На терассе замка у караула заливалась кавалерийская труба, игравшая зарю.

Баронесса, мечтательно смотревшая на озеро, вдруг обратилась к начальнику военного отряда:

– Вы позволите, ротмистр!, – сказала она, – приехать как-нибудь к вам с моими двумя мальчиками? Одному семь, другому восемь лет. Пусть посмотрят они на военную жизнь. Ведь дети деревни так мало ее знают! Пусть с молодых лет приучаются они любить и уважать Государя и Отечество, пусть познают дисциплину. Это так необходимо для мальчиков! Суровое военное воспитание! Пусть любят солдата и военную жизнь.

Баронесса говорила ротмистру по-немецки. Она была немка. Это говорили и ее золотые волосы и синие глаза, и высокий рост, и своеобразная грация, и сентиментальность. Но она говорила то, что я так страстно хотел бы слышать от русских матерей...

Говорят, что Ермолов просил Императора Николая I записать его в немцы; не проще ли русским позаимствовать у немцев те черты, которых у них не достает и которые им так важны. Французская и славянская расы – расы женские, германская, саксонская – мужские, и потому-то в этой немке, всей такой нежной, изящной immer weiblich, говорили мужские инстинкты...

А наши дамы...

– Федя, не смей играть в солдаты – это не хорошо. Солдат убийца...

– Я не дарю своему Мише солдатиков, как он ни просит, – это развивает в детях милитаристские инстинкты, а мой сын должен быть гражданином, а не воином.

– Вы знаете, граф, я пишу для своего сына специальную историю. Там будет изложена эволюция культуры и науки на социальных началах. О войнах ни слова. Ни одной биографии полководцев. Вы, как литератор, обязаны мне прокорректировать мой труд. Я хочу внушить моему сыну отвращение

к военному делу, а этого так трудно добиться у мальчика...

– Коля, не простудись; Саша, не смей бегать; Ваня, не подходи к лошадке...

Вот, с какого возраста готовим мы себе плохую армию, избалованных офицеров, героев Купринского поединка, безличных офицеров «трех сестер» Чехова, не, любящих, презирающих свое дело. Кадетский корпус никогда не даст того, что даст мать. Заветы матери любить Государя и Отечество; солдаты, впервые показанные матерью своему сыну с заветом любить военное дело – разве это ни вольет на всю жизнь преданность военному делу! Почти все лифляндское дворянство находится на русской военной службе, многие занимают высокие посты – чему же удивляться, когда любить Царя и Отечество, любить службу их учила мать!

Наши матери намереваются учить через преподавателей женских гимназий своих девочек половому процесу и половой жизни, они хотят быть впереди века. Что приготовят такие извращенные натуры для государства, что дадут они армии?

Баронеса говорила по немецки. А как страстно хотелось услышать это по-русски, от русской женщины. Я никогда не слыхал, чтобы русская мать просила поучить своего сына военному делу, внушить ему любовь к солдату и к армии...

Когда отец берет своего сына на маневры – мать называет его сумасшедшим, бросает ему упреки: «Ты не любишь свое дитя! С солдатами, какой ужас»!..

Любезный ротмистр, исполните просьбу немецкой матери, покажите свой эскадрон её сыновьям и не удивляйтесь, если они будут командовать вашими детьми, а ваши дети будут просить о переименовании их в немцы...

Ночь была прохладная. Гости разъезжались в полной темноте. Баронесса легко вскочила в высокий кабриолет, взяла вожжи в руки, муж поместился рядом.

– Вы не боитесь, баронесса? – спросил ее ротмистр.

– Со мною мой револьвер. Теперь «они» не посмеют напасть на нас. Теперь вы здесь.

– Баронесса отлично стреляет, – сказал её муж.

– Auf Wiedersehen, – сказала баронесса. Её голубые глаза стали темными. «Але-о»! Лошади тронулись, и колеса зашуршали по песчаной дороге.

Фон Б. уезжали верхом. Латыш Рейткнехт держал им кровных лошадей. Фрау Б. ехала по мужски в длинной и широкой амазонке.

– Danke sehr, Herr Rittmeister, auf Wiedersehen...

– Ночь поглотила и их... Мы шли с ротмистром домой.

– Скачут верхом, стреляют из револьвера, – проговорил ротмистр, – охотятся, бегают на лыжах, гребут, воспитывают детей разумно и в то же время женственны, прекрасны... immer weiblich, ganz gemutlich для своего мужа... мужская раса...

Он помолчал.

– Неужели, – заговорил он снова, – мы женская раса? Неужели нам: болтовня, красные флаги, трусость перед мифической черной

сотней, проповедь непротивления злу, низкопоклонство, сплетни, предательство, измена Государю и долгу... неужели мы женская раса, со всеми недостатками женщины, с боязнью крупного, сильного, смелого... Ужасно...

Он остановился на терассе.

– Пройдемся по парку, – сказал он, – дивная ночь...

Мы пошли, медленно, шаг за шагом, как ходят русские.

– Вот и идем мы тихо, еле бредем, – заговорил ротмистр. – На лодке покататься – не сыро ли? выкупаться – не рано ли? Мы боимся простуды, начальства, черной сотни, революции, боимся Думы, боимся, что ее разгонят, чего мы хотим? Ну скажите, чего мы хотим? Чего?... Мы хотим правды, справедливости, добра, истины, чего-то отвлеченного... Нет, вы мне скажите прямо, чего вы хотите? Супа, говядины, теплой одежды, сто рублей в месяц жалованья, три комнаты во втором этаже со швейцаром?... Так нет же, мы не знаем, чего мы хотим. Мы хотим, чтобы девушка знала и даже видела половой процесс; а хотим ли мы, чтобы она согрешила? Боже упаси! А если согрешит!? Соблазн велик. Мы хотим побед и не хотим войн, мы хотим спокойствия и не желаем дисциплины... А, чёрт возьми! Вот она, эта прелестная баронесса с золотыми волосами, она знает, чего она хочет, и она всегда своего добьется. Она молодчина... Ей и книги в руки. Ей Богу, женюсь на немке и офицеров уговорю жениться; ну их к чёрту, наших феминисток. Если мы, мужчины, принадлежим к женской расе, так нам надо сдобрить нашу кровь мужской расой. Вы посмотрите, как она говорить «mein Mann» – а для нашей муж... это Иван Иванович в грязном халате... Пройдемся на конюшню поверить дневальных....

От редакции: В данной заметке, перепечатываемой нами из военной газеты «Русскій Инвалидъ», на наш взгляд, превосходно проиллюстрированы те черты «остзейского типа» в русском офицерском корпусе, что являли собой русские немцы и русские шведы в Императорской России на службе русскому Белому Царю.

РУСЬ ВАРЯЖСКАЯ

"скандинавы или норманны в пространном смысле основали русскую державу" (А.Шлёцер, "Нестор. Русские летописи на древлеславенском языке")

"Варяжский вопрос" – начальный, а потому, ключевой вопрос всей Русской истории. Хорошо известно о т.наз. "норманской теории" образования Древнерусского государства. Хорошо известно и о болезненной реакции на данную "теорию" уязвлённого русского патриотического чувства, начиная от полемики М.В.Ломоносова с немцами-академиками в царствование Государыни Елисаветы Петровны и даже до сего дня. Согласно экстремальным версиям "норманской теории", базирующимся на тенденциозном толковании русских летописей, Древнерусская держава была создана шведскими (как вариант – финскими) викингами, в середине IX века силой оружия подчинившими восточнославянские племена и затем составившими господствующий класс древнерусского общества во главе с княжеским домом Рюриковичей. Как верно замечает по сему поводу историк Глеб Лебедев (крупнейший, пожалуй, отечественный специалист по "викинговедению"): "Подобная картина, напоминавшая, например, "норманнское завоевание" Англии офранцуженными потомками викингов в XI в. (1066г.), однако, совершенно не соответствовала ни древнерусским, ни скандинавским, ни, в сравнении с ними, английским письменным источникам, летописям и хроникам, средневековым юридическим актам, да и историческим воспоминаниям народов" (Г.Лебедев. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005). Неудивительно, что полемика научных лагерей "норманистов" и "антинорманистов", по справедливой оценке того же Г.Лебедева, индуцированная "вненаучными, идейно-политическими побуждениями", породила множество столь же экстремистских версий "антинорманизма". Из коих можно упомянуть, к примеру, попытки хазарской (sic!) этнической атрибуции "варягов". Или же "теорию" об "извечной" вражде славян и германцев, "победной точкой" в

которой стало "водружение красного знамени над поверженным Рейхстагом в мае 1945 г." (в предельно гротескной форме сия "теория" отражена в недавней полубезумной объёмистой книге некоего завсегдатая "славянских соборов" г-на Кикешева "Славяне против Фашизма"). Порицая паранаучные "закидоны" славянофильствующих "антинорманистов", мы вовсе не склонны оправдывать чью бы то ни было (будь то немцы, шведы или финны) национальную спесь. "Варяжский", "норманнский" или, лучше сказать, ***нордический*** компонент можно обнаружить у всех народов Европы. Вообще, расовый подход предполагает значительное снижение градуса националистических эмоций. Склонность немецких учёных мужей к "приватизации" общеарийского наследия довольно известна, посему, отнюдь не излишним будет здесь ещё раз подчеркнуть, что "германство" не тождественно "арийству" (как не тождественно и "славянство"). Они относятся друг к другу как понятие "вида" к понятию "рода".

Юлиус Эвола опубликовал в 1941 г. работу "Указания по расовому воспитанию", в коей среди прочего уделил внимание занимающему нас вопросу. "Прежде всего, – поясняет Эвола, – когда мы говорим о Севере (и о "людях Севера", "норманнах" – Р.Б.), мы не имеем в виду германский регион. Колыбелью арийской расы в давнюю доисторическую эпоху… являлся, напротив, регион, который сегодня соответствует Арктике (и который, заметим, входит в круг русских земель, что не означает, конечно, нашей русской монополии на "арийство", но и не позволяет лишать русских их законной доли в нордическо-арийском наследии предков – Р.Б.)… Обеспокоенность в связи с тезисом о нордическо-арийской расе необоснованна. Поддержка этого тезиса вовсе не означает солидарность с пангерманским мифом, который, сделав синонимами понятия "нордический", "германский", "арийский" и "немецкий", утверждает сегодня, будто всё высшее, что есть в различных нациях и цивилизациях нашего континента, происходит из германских элементов, в то время как всё, что не связано с ними, является низшим и подчинённым.

Именно для того, чтобы развеять этот вид заблуждений, связанных с исконной арийской расой, мы обычно употребляем термин "гиперборейская", употреблявшийся в Греции в эпоху, когда о германцах ничего не было известно. Как бы там ни было, надо подчеркнуть, что, вне всякого сомнения, термины "арийский", "нордический арийский", "нордический западный" и т.д. никогда не означают в рамках серьёзной расовой доктрины "немецкий" или "германский". Эти термины отражают гораздо более широкую реальность. Они относятся к общему дереву, в котором германские народы так называемого "периода вторжений" являются лишь одним из многочисленных ответвлений, в то время как самые крупные расы – создатели цивилизации как на Востоке, так и на Западе (бывшая Персия, древняя Индия, так же как древняя Эллада или сам Рим) законно могут носить название "гиперборейских". Среди всех этих рас могут существовать отношения кровного родства, но ни в коем случае

не производности (происхождения одной из другой). О производности можно говорить только в смысле их происхождения из этого общего гиперборейского дерева, о котором мы говорили ранее и которое восходит к такой глубокой древности, что абсурдно пытаться проследить до тех времён родословную какого-либо одного исторического народа" (см.: Ю.Эвола. Указания по расовому воспитанию. // Реванш №2(4)'2005).

Всё вышесказанное приложимо также и к панславянскому мифу, абсолютно симметричному в своей односторонности и в своих заблуждениях мифу пангерманскому. Ежели абсурдно утверждение о производности "от немцев" всего "высшего" в европейской цивилизации, то не менее (ежели не более) абсурдно и аналогичное утверждение, что всё "высшее" "от славян".

Нетрудно заметить, что "норманистский" подход к решению "варяжского вопроса" получал подпитку из пангерманского мифа, тогда как "антинорманистский" подход подпитывался мифом панславянским. Оба указанных мифа имеют ощутимый "позитивистический" и "современный" привкус, ибо для "эпохи викингов" (как и для Античности и Средневековья в целом) отнюдь не характерен национализм, в его современном виде. Племенные отличия, конечно, присутствовали, но они отступали на задний план по сравнению с различиями религиозными, расовыми и сословными.

Когда мы говорим о державообразующем импульсе, исходящем от варяжского ядра, применительно к Древнерусскому государству, полезно держать в памяти высказывание Ницше: "Я употребил слово государство. Не трудно понять, кто подразумевается под этим – какая-то стая белокурых хищников, раса покорителей и господ, которая, обладая военной организованностью и организаторской способностью, без малейших колебаний налагала свои страшные лапы на, должно быть, чудовищно превосходящее её по численности, но всё ещё безформенное, всё ещё бродяжное население" ("Генеалогия морали"). Поддаётся ли сия "стая белокурых хищников", "раса покорителей и господ" однозначной этнической идентификации, к тому же в координатной сетке современных наций. Разумеется, нет. Какие уж тут "шведы с финнами"... Впрочем, в среде шведов есть как свои "варяги", так и свои "бродяги" (см. выше про "безформенно-бродяжное население"), т.е. расовые элементы высшей и низшей пробы. Напомним также, что о современных обитателях Скандинавии метко выразился Альфред Розенберг, заметив: ***"викинги уплыли, бюргеры остались"***. А вот как раз с ***расовой идентификацией*** "варягов" проблем никаких не возникает. Говоря словами Ю.Эволы, образование Киевской Руси должно возводить к "начальному цивилизаторскому действию ядра, принадлежавшего к господствующим северо-западным расам". Ежели подобный смысл придать словам Шлёцера о "норманнах в ***пространном смысле***", образовавших Русскую Державу, то их можно счесть вполне приемлемыми. Русь основали действительно "варяги", "норманны" в "пространном", т.е. сверхнациональном смысле. Раса

господ, варяги-русы, люди Севера, воспринимали себя (и воспринимались низшими сословиями, а также и низшими расами, попадавшими в орбиту их господства) скорее как "касту", нежели как "нацию". Само слово "норманн" ("Nord-mann", человек Норда, человек Севера) надобно воспринимать в качестве ***инициатического имени*** ("человек, несущий Северный Свет"), а не этнонима. Сословным, кастовым именованием изначально было и слово "Русь", затем лишь перешедшее на всю народную общность (включившую в себя, как известно, восточнославянские племена вятичей, кривичей, древлян и т.д.), сплочённую "варягами" в единую Русскую Державу. Изначально дело обстояло так, что была своя "Русь" на Руси, была своя "Русь" в Скандинавии, была своя "Русь" на территории теперешней Германии, да и по всей Европе. Аполлон Кузьмин (довольно значительный историк, хотя и не чуждый некоторых крайностей "антинорманизма") верно отмечает: "Название "Русь" в Европе встречается более чем в десятке областей. В одной Прибалтике оно встречается в нескольких местах по южному и восточному побережью и на островах. В течение тысячелетия существовала "Руссия" на Дунае (на территории нынешних Австрии, Венгрии и Югославии). Две "Руси" вплоть до 1920 года сохранялись в Тюрингии на землях лужицких сербов. Доныне "русины" населяют долины Карпат (решительно отличая себя и от украинцев, и от словаков). Ещё в конце XIV века московский митрополит Киприан (болгарин по рождению) претендовал на присоединение к русской митрополии "русских" городов в низовьях Дуная и на побережье Чёрного моря. И т.д. В большинстве случаев оказывается, что эти "руси" потомки одного племени, принявшие участие в Великом переселении и называвшиеся в латиноязычных источниках "ругами", "рогами", "розомонами" (росомонами)... Русы, в частности, считали себя аристократическим славянским родом и как бы на этом основании претендовали на власть над мирными землепашцами. Избавляя славянские племена от хазарской или какой-то иной дани, русские князья переводят эту дань на себя... Во всех случаях заметны следы какого-то договора "рода Русского" с племенами, соглашающимися уплачивать дань. Русы любили подчёркнуть и свои намерения "хорошо управлять". Но Древнерусское государство IX-X веков носит явные следы двухсоставности, в рамках которой "Земля" – традиционная славянская система, а "Власть" – князь и его русская дружина" (А.Кузьмин. Почему в России не уважают законы. // Аль-Кодс №29(50)'1994).

Примечательно, что сознание своей наднациональной общности сохранялось у европейского рыцарства, у "Руси", вплоть до окончания эпохи Средних веков, а в редуцированной форме проявляло себя в среде аристократических (и в особенности королевских) родов и в последующие века. Подобный супранациональный характер аристократии европейских народов укоренён в супранациональном характере арио-христианского универсума Средневековья. Как правильно заметил в своей работе "Сущность власти" (1943) на-

ционал-социалистический философ Альфред Боймлер, "религиозному универсализму той эпохи соответствовало наднациональное рыцарское общество". И он же указывает на наднациональный характер денежной власти, кроющейся за кулисами современных "демократических государств", чей псевдо-универсализм сатанинским образом пародирует арио-христианский "наднациональный феодальный господствующий слой Средневековья".

"...Уже не религиозному псевдо-универсализму нового времени, – пишет А.Боймлер, – соответствует плутократический высший слой, который контролирует добычу сырья и торговлю во всём міре. Центром этого слоя сегодня является Лондон, но в Америке уже образовался второй центр. Идеалы богатых людей везде одинаковы; их слой задаёт тон, определяет как думать, как жить... Не либеральные "идеи" и не английские формы жизни завоевали мір за последние столетия – его завоевали богатые люди. Масонство – одна, но далеко не единственная форма их влияния на "государства". Только когда прекратится поклонение идолу денег, будет покончено с господством этого слоя... После того, как власть будет отнята у международного слоя владельцев денег, к власти повсюду смогут придти люди, для которых "мир" обозначает нечто иное, нежели морализаторскую фразу для прикрытия гешефтов. Эти люди будут вождями своих народов и будут отвечать своей жизнью за то, что мир обезпечит сохранение чести и безопасности нации" (см.: Альфред Боймлер. Сущность власти. Новый порядок в Европе как историко-философская проблема. // Философия вождизма. Хрестоматия. М., 2006). По сути, Боймлер набросал картину пришествия "новых варягов", картину того, как варяжский меч разрубает денежную паутину, в сетях которой хиреет и разлагается Белый мір.

"Варяжский вопрос" теснейшим образом связан с разрешением конечных судеб Арио-Христианства. Связь сия в высшей степени неслучайна. Напомним хотя бы о том, что Крещение Руси (как и прочих стран Северной Европы) было инициировано Князем и его русской дружиной. Упоминавшийся выше Г.С.Лебедев усматривает ещё один провиденциальный аспект "варяжской проблемы", придающий ей пан-европейское, даже пан-арийское измерение. Он широкими мазками рисует следующую картину: "Европейское единство, представляющееся ныне либо желаемым идеалом, либо – само собой разумеющейся данностью, в историческом прошлом ***реально*** сформировалось лишь тысячу лет тому назад, и не последним, но очень значимым звеном в этом процессе было Крещение Руси в 988 году (Тысячелетие Крещения, торжественно отмеченное на исходе советской эпохи в 1988 году, было по-своему столь же значимым историческим рубежом), становление этого единства и тысячу лет тому назад, и сейчас означало преодоление предыдущего разделения: как в XX веке – на "социалистический лагерь" и "свободный мір", так с I по X век – наследованное от античности деление, в финальной редакции, на христианско-эллинистический и латинизированный мір

Римской империи (и её каролингских и византийских правопреемников) и языческий "Барбарикум".

"Эпоха викингов" представляла собою последний коллапс этого разделения. "Язычники Севера", норманны, обрушились на историческую арену Европы не менее грозно, чем гунны и готы, сокрушившие собственно Римскую державу (но отнюдь не Римский мір, Pax Romanorum европейского христианства). Однако сходили с этой арены, на исходе эпохи викингов, крещёные скандинавы, организованные в первые на Севере государства "христианских королей". И в становлении христианской Европы рядом с величественными фигурами киевских князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого по праву стоит их современник и родич, конунг и креститель Норвегии, Олав Святой (годы правления 1015-1030), со времён своей мученической гибели и посмертного прославления – небесный патрон Скандинавских стран.

"Миллениум христианства" в Европе, по сути дела, разворачивающийся, как и во всём христианском міре, с 2000 по 2033 гг. (точного хронологического соответствия Событиям Евангелия), должен включить и эти даты североевропейской и русской истории, отмечая их юбилеи с 1988 по 2033 гг., ибо именно эту тысячу лет тому назад, завершением Крещения Востока и Севера, со времён Владимира Святого и Олава Святого, христианскими стали, по существу, все современные европейские страны. Именно так впервые Европа – стала Европой, но именно в этой Европе тысячелетней давности впервые Русью стала – Русь".

К исходу тысячелетнего христианского цикла Европа приходит в состоянии достоплачевном. Так что впору повторить (и повторить применительно к Европе в целом, а не токмо к России) хрестоматийные слова летописного повествования о призвании варягов: "земля наша велика и обильна, а наряда (сиречь – порядка) в ней нет" ("Повесть временных лет"). Действительно, ныне на нашей земле, земле Белого человека, нет Русского, Арийского, Белого Порядка. Разорвана та двухсоставность арийского социума, о коей упоминалось выше: есть "Земля", но нет Арийской "Власти". "Пост-христианская" цивилизация узаконивает богопротивное равенство рас и кровей. Сегодняшние "князья", конечно, "хищники", но отнюдь не "белокурой породы", воспетой Ницше. Ежели какого "арийца" и примут в их "дружину", то такого, кто принадлежит к числу "белых предателей"...

И не будет "наряда" на этой Земле, доколе не призовёт она вновь варягов "от рода Русского". Подобно тому, как доблестные варяжские дружинники повергали древле языческих идолов, так и "новые варяги" смогут низвергнуть поклонение идолу денег. "Всё куплю", – сказало злато... Но непродажен Варяжский Меч. Нордический Эдем лежит на острие сего Меча. Лик Белого Христа отражает его сталь. Выменяв тленные псевдо-богатства міра сего на сей дивный Меч, по завету Спасителя, Европа вновь станет Европой, и Русью вновь станет Русь.

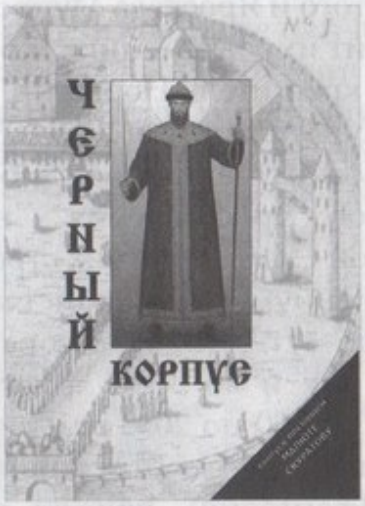
Р.Бычков

ПРЕДЫДУЩИЕ ВЫПУСКИ

ЧЁРНЫЙ КОРПУС
(Ю.Эвола)

ЧЁРНЫЙ КОРПУС
(Унгерн)

ЧЁРНЫЙ КОРПУС
(К.Кодряну)



ЧЁРНЫЙ КОРПУС
(Малюта Скуратов)

Можно заказать по адресу:

123592, Москва, а/я 54

Терехову Дмитрию Юрьевичу

e-mail: loring@msk.internet2.ru

ПРЕДЫДУЩИЕ ВЫПУСКИ РУССКОЙ АРИОСОФСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Можно заказать по адресу:

123592, Москва, а/я 54

Терехову Дмитрию Юрьевичу

e-mail: loring@msk.internet2.ru

Можно заказать по адресу:

123592, Москва, а/я 54

Терехову Дмитрию Юрьевичу

e-mail: loring@msk.internet2.ru